Алекс Скай

Измена

Я выйду замуж

за твоего врага

Алекс Скай

Измена. Я выйду замуж за твоего врага

«Автор»
2026

Скай А.

Измена. Я выйду замуж за твоего врага / А. Скай — «Автор», 2026

— Я вышла замуж за твоего врага, Роман. Но победила не потому, что он был рядом. А потому, что наконец выбрала себя.Я вернулась домой раньше и застала мужа с другой женщиной. Но настоящим предательством стала не измена.За дверью кабинета Роман спокойно обсуждал, как я подпишу всё: развод, отказ от бизнеса, порядок встреч с сыном. Он был уверен, что мне некуда идти. Что я промолчу. Что он заберёт у меня ребёнка, имя, деньги и прошлое, которое мы строили вместе.Он ошибся.Я не отдам сына. Не подпишу отказ от своей жизни. И если единственный, кто может помочь мне против Романа, — его главный враг, значит, я приму эту помощь.Дамир Орлов опасен, холоден и слишком хорошо знает моего мужа. Наш брак должен был стать сделкой. Моим щитом. Его местью.Но однажды я пойму: рядом с ним я не прячусь. Я снова становлюсь собой.История о предательстве, борьбе за ребёнка, фиктивном браке, деловой мести и любви, которую выбирают не из страха, а по-настоящему.

© Скай А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая женщина в моём доме 5
Глава 2. Подпись бывшей жены 19
Глава 3. Враг моего мужа 38
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Алекс Скай
Измена. Я выйду замуж за твоего врага

Глава 1. Чужая женщина в моём доме

Я поняла, что мой брак закончился не тогда, когда увидела чужие туфли в нашей прихожей.

И даже не тогда, когда услышала женский смех из кабинета мужа.

Настоящий конец наступил позже — когда Роман сказал:

— Она всё подпишет. Ей некуда идти.

Я стояла за полуоткрытой дверью собственного дома, в пальто, с пакетом детских вещей в руке и с ключами, которые ещё секунду назад считала своими. На улице моросил дождь, волосы прилипли к щеке, пальцы ныли от холода, но внутри меня было не холодно.

Внутри всё стало очень тихим.

Так бывает перед тем, как падает что-то огромное: шкаф, дерево, жизнь.

Утром я уезжала из дома женой Романа Грановского. Женщиной, которая знала, где лежат запасные батарейки для детской машинки, когда у Матвея тренировка, в какой папке счета по семейному бизнесу и какой галстук муж надевает, когда хочет произвести впечатление на инвесторов. Я была частью этого дома так же прочно, как лестница из светлого дуба, как семейные фотографии на стене, как детские рисунки на холодильнике.

А вернулась — лишней.

В своём же холле.

В нашем доме всегда пахло дорогим деревом, кофе и чуть терпкими свечами, которые Роман называл «слишком женскими», но никогда не просил убрать. Сегодня запах был другим. Чужим. Сладким, цветочным, резким. Такой аромат оставался в лифте после женщин, которые не привыкли спрашивать, уместны ли они в чужом пространстве.

Я опустила взгляд.

Возле зеркального шкафа стояли бежевые лодочки.

Не мои.

На шпильке, слишком тонкой для нашего мокрого крыльца. Рядом — маленькая сумка на цепочке. На банкетке — светлый шарф, небрежно сброшенный поверх куртки Матвея.

Я знала этот шарф.

Лика Морозова носила его в офисе, аккуратно повязывая на шею, когда делала вид, что ей холодно в переговорной. Помощница моего мужа. Двадцать семь лет, гладкие волосы, мягкий голос, привычка заходить к Роману без стука и выходить с таким лицом, будто за закрытой дверью решались вопросы, которые жене знать не положено.

Я много раз видела, как она смотрит на него.

Но видеть чужой взгляд на муже — одно.

Увидеть её шарф на банкетке в своём доме — совсем другое.

Я должна была уехать на весь день. У Матвея был творческий конкурс в школе, потом встреча с педагогом, потом обещанный поход за новыми фломастерами. Но конкурс перенесли из-за аварии в актовом зале, Матвей расстроился, и я отвезла его к маме, чтобы он не сидел до вечера среди взрослых разговоров. Домой вернулась только за его любимым альбомом с наклейками: он вдруг решил, что без него не сможет пережить «самый несправедливый день года».

Я улыбалась, когда подъезжала к дому.

Думала, заберу альбом, переоденусь, выпью чай на кухне, может быть, даже успею отправить Роману сообщение: «Буду раньше. Ужинать дома?»

Глупая.

Как же страшно иногда звучат обычные планы, если уже знаешь, чем они закончились.

Из кабинета донёсся голос Лики:

— Ром, это слишком рискованно.

Ром.

Не Роман Сергеевич.

Не Роман.

Ром.

Так его называли только я и его сестра в детстве. Даже друзья давно перешли на уважительное «Рома» или деловое «Роман». А она произнесла это коротко, домашне, как женщина, которая уже имела право на внутреннюю сторону его жизни.

Я сделала шаг назад, но пакет с вещами задел тумбу. Внутри тихо стукнулась пластиковая коробка с фломастерами.

Я замерла.

За дверью не услышали.

— Рискованно было тянуть, — ответил Роман. — А сейчас всё готово.

Его голос был спокойным. Сухим. Рабочим. Так он говорил на переговорах, когда уже принял решение и просто позволял другим догнать его по дороге.

— Вера не такая глупая, как ты думаешь.

Я почему-то почти поблагодарила её за эту фразу.

Почти.

— Я не думаю, что она глупая, — сказал Роман. — Я думаю, что она привыкла жить в мире, который держу я.

Мир.

Который держит он.

Я медленно поставила пакет на пол, чтобы руки не выдали меня дрожью, и подошла ближе к кабинету.

Дверь была не закрыта до конца. Тонкая полоска света падала на пол. В этом свете кружилась пыль. В моём доме. Перед комнатой, где ещё недавно я помогала Роману выбирать кресло, потому что он жаловался, что от старого «спина деревянная к вечеру».

— А если она откажется подписывать? — спросила Лика.

— Не откажется.

— Ты слишком уверен.

— Потому что знаю жену.

Я закрыла глаза.

Нет, Роман.

Ты давно не знаешь меня.

Ты знаешь только женщину, которую сам придумал: удобную, терпеливую, молчаливую. Ту, которая сгладит любой конфликт, потому что ребёнок, потому что дом, потому что люди смотрят, потому что «Вера, давай без сцен».

— Она любит сына, — продолжил он. — Это главное.

Матвей.

Моё сердце сжалось так резко, что я едва не шагнула в кабинет сразу.

— Вот именно, — сказала Лика. — Если она любит сына, может начать бороться.

Роман коротко усмехнулся.

— Чем? У неё нет отдельного жилья подходящего уровня. Счета завязаны на меня. Машина корпоративная. Дом оформлен через структуру. Формально она давно не участвует в

оперативке. Последние годы — школа, дом, благотворительные вечера, детские проекты. Суд посмотрит на стабильность.

Я прижала ладонь к стене.

Стабильность.

Какое красивое слово для клетки.

— А бизнес? — спросила Лика. — Всё-таки в начале она была не просто женой.

— В начале много кто был не просто кем-то, — ответил Роман. — Потом роли меняются.

Роли.

Вот, значит, кем я была.

Ролью.

Я вспомнила старый офис на третьем этаже облезлого бизнес-центра. Роман тогда только ушёл от первого партнёра, у него были долги, амбиции и две белые рубашки, которые я стирала по ночам, потому что встреч было больше, чем одежды. Мой отец дал нам первый контакт. Мама продала свою маленькую квартиру у моря, чтобы мы закрыли стартовый взнос за склад. Я вела переговоры с поставщиками, потому что Роман умел давить, но не всегда умел слышать.

Мы строили компанию по кускам.

Я — с ребёнком под сердцем, с таблицами на коленях и с верой, что всё это общее.

А сейчас он говорил о ролях.

— Документы готовы? — спросила Лика.

— Да.

Шорох бумаги.

— Соглашение о разводе, отказ от претензий по бизнесу, порядок проживания Матвея со мной, график встреч с матерью. Всё мягко, прилично, без грязи. Ей даже деньги будут предложены.

— Щедро.

— Я умею быть щедрым, когда человек ведёт себя разумно.

Я почувствовала, как что-то внутри меня меняет форму.

До этой секунды я, наверное, всё ещё ждала хоть какого-то оправдания. Что это ошибка. Что я не так поняла. Что Лика пришла по делу. Что эти туфли, шарф, смех, короткое «Ром» — просто набор случайностей, из которых ревнивая жена собирает себе чудовище.

Но чудовище уже стояло за дверью и листало документы моей будущей жизни.

— А если она спросит про меня? — голос Лики стал тише.

Пауза.

Я не видела их, но вдруг почти ясно представила: она стоит у окна, в моём доме, может быть, в той самой светлой блузке, которую носила утром в офисе. Роман у стола. Рука на папке. Между ними — не страсть, не случайность, а спокойный план.

— Скажу правду, — ответил он.

Меня будто ударили.

Правду?

Он ещё помнил это слово?

— Что мы с тобой вместе, — продолжил Роман. — Что наш брак с Верой давно был формальностью. Что я пытался сохранить семью ради Матвея, но так больше нельзя.

Лика выдохнула.

— Ты правда скажешь ей сегодня?

— После ужина.

Я машинально посмотрела на часы на стене в холле.

Полдень.

После ужина.

Значит, у меня было ещё несколько часов до официальной казни.

— Почему не сейчас? — спросила Лика.

— Потому что вечером привезут Матвея. Она при ребёнке не устроит сцену.

У меня потемнело перед глазами.

Он не просто рассчитывал на мою любовь к сыну.

Он собирался использовать её как намордник.

— Роман, — Лика сказала это уже совсем тихо, — ты уверен, что Матвей должен остаться с тобой?

— Да.

— Но Вера с ним постоянно.

— Вот именно. Она слишком привязана. Делает из него центр жизни. Это не здорово для мальчика.

Я едва удержалась, чтобы не распахнуть дверь.

Не здорово.

Матвей, который засыпал, только если я три раза проверяла, нет ли под кроватью «крокодила с дипломатическим иммунитетом». Матвей, который не ел рыбу, если я не называла её «морским секретом». Матвей, который рисовал нашей семье дом с тремя окнами: мама, папа и я. Матвей, который вчера спросил, почему папа всё время разговаривает с телефоном, а не с ним.

Слишком привязан.

Нет, Роман.

Он просто ребёнок, который хотел, чтобы отец иногда смотрел на него не через расписание.

— Она всё подпишет, — сказал Роман. — Ей некуда идти.

И вот тут брак закончился.

Не с криком.

Не с пощёчиной.

Не с разлетевшейся по полу папкой.

Он закончился в полной тишине, когда я поняла: мужчина, которого я любила пятнадцать лет, не просто изменил мне. Он изучил мои слабости, обернул их в документы и решил, что я слишком привычная, чтобы сопротивляться.

Я отошла от двери.

Один шаг.

Второй.

Третий.

Спиной упёрлась в стену напротив зеркала.

В отражении на меня смотрела женщина тридцати пяти лет с мокрыми волосами, бледным лицом и глазами, которые будто стали старше за пять минут. На мне был простой бежевый тренч, купленный в прошлом сезоне. Роман сказал тогда: «Нормально, но скучновато». Я всё равно взяла — он был удобный, с глубокими карманами. В одном сейчас лежал телефон. Во втором — маленькая машинка Матвея, которую он сунул мне утром: «Пусть с тобой едет, а то ей скучно».

Я достала машинку и сжала в ладони.

Красная. С отколотым колесом. Матвей отказывался выбрасывать её, потому что «она просто устала, мама».

Я тоже устала.

Но меня пока рано было выбрасывать.

Из кабинета снова донёсся голос Лики:

— Ты правда думаешь, она не догадается раньше?

— Вера видит только то, что готова видеть.

Я подняла глаза на своё отражение.

Вот в этом он ошибся.

Я видела многое.

Видела, как он стал задерживаться на работе без раздражения, будто там ему легче, чем дома. Видела, как Лика выбирает для него галстук на корпоративной фотосессии и делает это слишком уверенно. Видела, как Роман стал чаще закрывать экран ноутбука, когда я входила в комнату. Видела, как Матвей рисует папу отдельно от нас, в большом доме с флагом, а нас со мной — на другой стороне листа.

Я видела.

Просто каждый раз выбирала объяснение, которое позволяло жить дальше.

Работа.

Усталость.

Кризис.

Я сама стала скучной.

Он не замечает.

Она просто помощница.

Семью нужно беречь.

Женщина многое видит раньше, чем готова потерять.

Телефон в кармане завибрировал.

Я вздрогнула и едва не выронила машинку.

На экране высветилось: «Мама».

Я не могла ответить. Не здесь.

Сообщение пришло следом:

«Матвей спрашивает, нашла ли ты альбом. И сказал, чтобы ты не забыла красную машинку, если она вдруг уехала с тобой».

Я смотрела на эти слова и понимала: всё, что ещё минуту назад казалось личной катастрофой, стало войной за ребёнка.

Не за мужа.

Не за Лику.

Не за измену.

За сына.

Роман мог забрать дом. Машину. Счета. Красивую фамилию в светских списках. Мог переписать историю бизнеса, как переписывал договоры, в которых моё имя постепенно уходило вниз, потом в приложения, потом исчезало совсем.

Но Матвея я не отдам.

Я открыла чат с мамой и написала:

«Я задержусь. Матвея пока не привози домой. Ни под каким предлогом. Если Роман позвонит — скажи, что вы гуляете и телефон не слышала».

Палец завис над кнопкой отправки.

Это уже был шаг.

До него ещё можно было сделать вид, что ничего не случилось. Войти в кабинет. Улыбнуться. Сказать: «Какая неожиданность». Дождаться вечера. Послушать Романа. Дать ему возможность объяснить, упаковать разрушение в красивые слова, предложить деньги, запугать стабильностью.

После этого сообщения пути назад не будет.

Я отправила.

Ответ пришёл почти сразу:

«Вера? Что случилось?»

Я написала:

«Потом. Просто сделай так».

Три точки горели долго.

Потом:

«Поняла. Матвей со мной».

Я выдохнула.

Первый маленький камень в моей стене встал на место.

Теперь нужно было уйти так, чтобы Роман не понял, что я слышала. Забрать альбом. Выйти. Подумать. Найти помощь. Не сгореть в первой же сцене, которую он сможет потом назвать истерикой.

Я наклонилась за пакетом.

И в этот момент дверь кабинета открылась.

Лика вышла первой.

На ней была моя рубашка.

Белая, льняная, широкая, с рукавами, которые я обычно подворачивала до локтя. Я купила её летом в маленьком магазине у моря, когда мы с Матвеем ездили к маме на три дня. Роман тогда не поехал: «Слишком много работы». Матвей выбирал мне эту рубашку сам и сказал: «Ты в ней похожа на маму из рекламы счастья».

Лика стояла в ней посреди моего холла.

Босая.

С моими пуговицами на чужой коже.

Мы посмотрели друг на друга.

Она побледнела так быстро, что я почти пожалела её.

Почти.

— Вера, — выдохнула она.

За её спиной появился Роман.

Он был в домашней рубашке, без пиджака, с расстёгнутым воротом. Не испуганный. Нет. Роман редко пугался. Сначала он оценивал ущерб, потом выбирал выражение лица.

За долю секунды я увидела, как в нём сменились три состояния: раздражение, расчёт, спокойствие.

— Ты рано, — сказал он.

Не «что ты здесь делаешь».

Не «это не то, что ты думаешь».

Не «прости».

Ты рано.

Как будто я нарушила расписание собственного предательства.

Я подняла пакет с пола.

— Конкурс перенесли.

Лика стояла между нами, прижимая к груди край моей рубашки.

— Я сейчас… я оденусь.

Я посмотрела на неё.

— Вы уже одеты.

Её лицо вспыхнуло.

Роман шагнул вперёд.

— Вера, давай без сцены.

Как быстро.

Вот и первая фраза из его будущей версии.

Без сцены.

Я посмотрела на мужа. На мужчину, которому пятнадцать лет доверяла ключи от всех своих слабых мест. Он стоял в нашем холле, рядом с его помощницей в моей рубашке, и больше всего боялся не потерять меня.

А неудобства.

— Сцены? — переспросила я.

Голос прозвучал спокойно.

Даже слишком.

Роман насторожился.

Он ждал другого. Слёз. Крика. Вопроса: «Как ты мог?» Женщина в слезах всегда удобнее женщины, которая смотрит прямо.

— Вера, — он понизил голос. — Мы поговорим. Не здесь.

— А где? В кабинете? Рядом с документами?

Лика резко подняла голову.

Роман не двинулся.

Только взгляд стал жёстче.

— Что ты слышала?

И снова тот же вопрос.

Не что я чувствую.

Не больно ли мне.

Не как давно я стою в коридоре.

Что ты слышала.

Я поставила пакет на тумбу и достала из него альбом Матвея с динозаврами. Он был обклеен наклейками, на обложке сын неровно написал: «Моё важное». Одну букву он перепутал, но запретил исправлять, потому что «так характернее».

Я провела пальцем по обложке.

— Достаточно, чтобы Матвей сегодня остался у бабушки.

Роман шагнул ко мне.

— Ты сейчас совершаешь ошибку.

Вот он.

Настоящий голос.

Не муж. Не любовник. Не мужчина, пойманный с чужой женщиной в доме.

Владелец.

— Ошибку? — спросила я.

— Не втягивай ребёнка.

Я чуть улыбнулась.

Не потому, что было смешно. Потому что иначе, наверное, я бы закричала.

— Ты подготовил документы о порядке проживания Матвея с тобой, но ребёнка втягиваю я?

Лика тихо сказала:

— Роман…

Он поднял руку, даже не глядя на неё.

Замолчи.

Она замолчала.

Я заметила это движение. Запомнила. Когда-нибудь Лика тоже поймёт, что такие жесты не появляются случайно. Сначала мужчина поднимает руку не на тебя, а просто в воздух, чтобы остановить твой голос. И если ты привыкнешь, дальше слова уже не понадобятся.

— Ты слышала обрывки, — сказал Роман. — И сейчас делаешь выводы в состоянии шока.

— Какая забота.

— Я серьёзно. Сядь. Мы спокойно поговорим.

— Я не хочу садиться в доме, где твоя помощница стоит в моей рубашке.

Лика вздрогнула, будто я ударила её именно этим словом: помощница.

— Это не так просто, — сказал Роман.

— А выглядит удивительно просто.

— Наш брак давно был…

— Не заканчивай эту фразу.

Он замолчал.

Я подошла к лестнице. Наверху была комната Матвея. Мне нужно было забрать несколько вещей. Не много — только то, что сыну важно сегодня. Пижаму с ракетами. Зубную щётку. Серого кота, без которого он иногда засыпал плохо. И документы. Свидетельство о рождении. Полис. Паспорт, который Роман держал в сейфе «для порядка».

Я сделала первый шаг по лестнице.

— Куда ты? — спросил Роман.

— В комнату сына.

— Вера, стой.

Я остановилась и обернулась.

— Не командуй мной.

Он будто не сразу понял, что это я сказала.

За пятнадцать лет я много раз спорила с ним, обижалась, отстаивала мелочи, могла не разговаривать вечером, если он опаздывал на праздник Матвея. Но это было другое. Раньше в моём несогласии всегда оставалось место для его последнего слова.

Сейчас — нет.

— Ты не увезёшь Матвея непонятно куда, — сказал он.

— Он у моей матери.

— Без моего согласия.

— Он ребёнок, а не актив компании.

Лика опустила глаза.

Роман подошёл ближе к лестнице.

— Не начинай войну, которую не понимаешь.

— Зато ты всё понял заранее, да? Разложил по папкам? Деньги, дом, бизнес, сын?

— Я хотел сделать это цивилизованно.

— С любовницей в моей рубашке?

Лика вскинула голову.

— Я не…

— Не надо, — сказала я, даже не взглянув на неё. — Не сегодня.

Она закрыла рот.

Роман сжал челюсть.

— Матвей останется в привычной среде.

— Привычная среда — это не стены. Это люди, рядом с которыми ребёнок не боится задавать вопросы.

— Ты хочешь сказать, он боится меня?

— Я хочу сказать, что ты понятия не имеешь, чего он боится. Потому что слишком редко спрашиваешь.

Он побледнел.

Не сильно. Едва заметно.

Но я знала его лицо слишком хорошо.

Попала.

— Ты очень пожалеешь об этих словах, — произнёс он тихо.

— Возможно. Сегодня у нас вообще день сожалений.

Я поднялась наверх.

Каждая ступень казалась громче предыдущей. Я чувствовала спиной его взгляд. Ждала, что он пойдёт следом, схватит за локоть, остановит. Но Роман не любил физической грубости. Он предпочитал двери, документы, распоряжения и людей, которые делают неприятное за него.

В комнате Матвея пахло карандашами, деревом и детским шампунем. На ковре стояла недостроенная железная дорога. На подушке лежал серый кот с одним пришитым ухом. У окна — маленький стол, заваленный рисунками. На одном из них мы были втроём: я, Роман и Матвей. Но Роман почему-то стоял в стороне, выше нас, в огромном чёрном костюме. Матвей нарисовал ему корону.

Я взяла рисунок и села на край кровати.

Только здесь меня начало трясти.

Не в холле. Не перед Ликой. Не под взглядом Романа.

Здесь.

В комнате сына.

Я прижала ладонь ко рту, чтобы не издать ни звука.

Матвей не должен увидеть меня разрушенной. Не сегодня. Не в тот момент, когда его мир и так собирались разобрать взрослые, которые слишком хорошо умеют называть свои желания заботой.

Я встала.

Пижама. Кот. Альбом. Любимая толстовка. Зарядка для часов. Пара тёплых носков. Маленький рюкзак с динозавром.

Документы.

Я подошла к шкафу в коридоре, где стоял домашний сейф. Код знали мы оба. Я набрала дату рождения Матвея.

Ошибка.

Я нахмурилась.

Набрала снова.

Ошибка.

Сердце ударило сильнее.

Попробовала дату нашей свадьбы.

Ошибка.

Дату основания компании.

Ошибка.

Сейф заблокировался на минуту.

Я стояла перед ним и вдруг всё поняла.

Роман поменял код.

Заранее.

Не сегодня. Не в панике. Не после того, как я увидела Лику.

Заранее.

Я достала телефон и сфотографировала сейф, экран с блокировкой, время. Не знаю зачем. Просто что-то внутри уже начало собирать не боль, а доказательства.

Внизу послышались голоса.

— Она не должна уйти с документами, — тихо сказала Лика.

— Я знаю, — ответил Роман.

Я тихо закрыла дверцу шкафа и вернулась в комнату Матвея.

Документов не было.

Но был ребёнок у мамы.

Сейчас это важнее.

Я спустилась через пять минут с рюкзаком сына в руке. Роман стоял в холле один. Лики не было. Наверное, ушла одеваться. Или прятаться. Неважно.

— Код сейфа? — спросила я.

— Документы Матвея останутся здесь.

— То есть ты уже решил.

— Я забочусь о сыне.

— Нет. Ты контролируешь доступ к нему.

Он скрестил руки на груди.

— Ты сейчас не в том состоянии, чтобы принимать решения.

— А ты в каком? В семейном доме с любовницей и папкой для развода?

— Не произноси слово, которое унижает всех.

— Какое именно? Любовница? Развод? Или папка?

Его глаза стали тёмными.

— Лика не виновата.

Я даже не удивилась.

Вот ведь как.

Лика — не виновата.

Роман — рационален.

Вера — в состоянии, которое не позволяет принимать решения.

Как удобно распределились роли.

— Замечательно, — сказала я. — Тогда ты ей, наверное, уже объяснил, что первая жена тоже когда-то не была виновата. Просто стала неудобной.

Он шагнул ко мне ближе.

— Вера, послушай. Я понимаю, тебе больно. Но если ты сейчас выйдешь из дома и начнёшь метаться, ты сделаешь хуже Матвею.

— Не используй его как поводок.

Он вздрогнул. Едва заметно. От слова, не от смысла.

— Ты не справишься без меня.

Вот она.

Фраза, к которой всё шло.

Не люблю.

Не прости.

Не давай поговорим.

Ты не справишься.

Я вдруг почувствовала странное спокойствие.

Очень тонкое. Непривычное. Будто внутри меня появилась узкая дорожка, по которой можно идти, даже если вокруг падают стены.

— Проверим, — сказала я.

Он усмехнулся.

— На какие деньги ты поедешь? Куда? К матери в двухкомнатную квартиру? С ребёнком, который привык к своей комнате, школе, водителю, занятиям?

— Матвей привык ко мне.

— Этого мало.

— Для тебя всегда было мало того, что нельзя записать в активы.

— Ты говоришь глупости.

— Нет, Роман. Я наконец говорю без перевода на твой язык.

Он посмотрел на мой телефон.

— Кому ты уже написала?

Я убрала телефон в карман.

— Матвею сегодня лучше побыть у бабушки.

— Я сейчас сам за ним поеду.

— Нет.

— Ты мне запрещаешь видеть сына?

— Я запрещаю тебе забирать его без разговора со мной после того, что услышала сегодня.

Он достал свой телефон.

— Хорошо. Тогда поговорим иначе.

— С кем ты звонишь?

Он не ответил.

Набрал номер.

— Сергей, — сказал он через секунду. — Вера сейчас выйдет из дома. Машину ей не подавать. И предупреди пост: если она попытается вывезти вещи Матвея или вызвать кого-то из водителей, сначала звоните мне.

Я смотрела на него и понимала: это не внезапная жестокость.

Это привычка.

Просто раньше она работала на других людей. На партнёров, подрядчиков, сотрудников, конкурентов. Роман всегда умел перекрывать выходы так, чтобы человек сам возвращался к столу переговоров.

Теперь человеком стала я.

Он отключился.

— Ты правда думаешь, что так удержишь меня?

— Я думаю, что тебе нужно успокоиться.

Я подняла рюкзак Матвея.

— Я ухожу.

— Без машины?

— У меня есть ноги.

— И гордость. Временно.

— Лучше временная гордость, чем постоянная ложь.

Он посмотрел на дверь.

— Вера, если ты сейчас выйдешь, назад будет сложнее вернуться.

Я почти улыбнулась.

— Ты перепутал. Я не возвращаюсь туда, откуда меня уже вычеркнули.

В этот момент из коридора появилась Лика.

Уже в своём платье, с влажными глазами, но с собранным лицом. Мою рубашку она держала в руках, аккуратно сложенную. Так, будто это могло что-то исправить.

— Вера, — сказала она. — Я понимаю, как это выглядит.

Я посмотрела на рубашку.

— Нет. Не понимаешь.

— Роман не хотел сделать вам больно.

Я засмеялась.

Тихо.

Роман поморщился.

— Не надо говорить за него, Лика. Он прекрасно умеет причинять боль от первого лица.

Она прижала рубашку к себе.

— Я не хотела разрушать семью.

— Тогда зачем пришла в мой дом?

Она побледнела.

Ответа у неё не было.

И это тоже было ответом.

Я прошла мимо них к двери.

Роман не остановил.

Наверное, думал, что у ворот меня задержат, что без машины я растеряюсь, что через десять минут дождь, холод и реальность заставят меня вернуться. Он всегда недооценивал вещи, которые не выглядят дорогими: старые дружбы, материнскую злость, чужую порядочность, удобные ботинки.

На крыльце дождь стал сильнее.

Я накинула капюшон, прижала к себе рюкзак Матвея и пошла по дорожке к воротам.

Охранник на посту, Сергей, вышел мне навстречу.

— Вера Андреевна…

— Откройте калитку.

Он замялся.

— Роман Сергеевич распорядился…

— Сергей, я не машина компании, не коробка с документами и не предмет со склада. Я человек. Откройте калитку.

Он покраснел.

— Я не могу вызвать вам водителя.

— Я и не прошу.

— Дождь.

— Я заметила.

Он смотрел на меня несколько секунд, потом нажал кнопку.

Калитка щёлкнула.

Я вышла.

За спиной остался дом, который я обставляла, любила, мыла от детских красок, украшала к Новому году, где родились первые шаги Матвея и умер мой брак.

Я дошла до поворота и только там достала телефон.

Первым делом набрала маму.

— Вера? — ответила она сразу. — Что происходит?

Я посмотрела на серое небо, мокрую дорогу, закрытые ворота за спиной.

— Мам, Роман хочет забрать Матвея.

Тишина.

Потом голос моей матери стал таким, каким я не слышала его много лет:

— Пусть попробует.

У меня дрогнули губы.

— Я еду к вам.

— На машине?

— Нет.

— Где ты?

Я назвала улицу.

— Стой там, где люди. Я вызову такси.

— Не надо, я сама.

— Вера.

— Мам, я справлюсь.

— Я знаю. Но иногда справиться — это не идти под дождём пешком из гордости, а позволить матери вызвать тебе такси.

Я закрыла глаза.

— Хорошо.

— Матвей рядом. Я ему сказала, что ты скоро приедешь.

— Он спрашивал про Романа?

— Пока нет. Сидит, клеит динозавра в альбом. Сказал, что папе потом покажет.

Мне стало так больно, что я едва не согнулась.

— Не говори ему ничего.

— Я не враг своей внуч… — она осеклась. — Своего внука. Конечно, не скажу. Приезжай.

Я отключилась.

Следующим номером должен был быть кто-то, кто понимает, что делать с документами, разводом, бизнесом и Романом. Но я стояла под дождём и вдруг поняла: за пятнадцать лет брака мой круг помощи стал тонким, как нитка. Подруги растворились, потому что Роман не любил «пустые разговоры». Рабочие контакты стали его контактами. Юристы — его юристами. Водители — его водителями. Дом — его домом.

Он был прав в одном.

Я слишком долго жила в мире, который считала общим, а ключи от него лежали у него.

Телефон снова завибрировал.

Незнакомый номер.

Я ответила, потому что уже не знала, чего ещё бояться.

— Вера Андреевна? — мужской голос был низким, спокойным, незнакомым и одновременно почему-то узнаваемым.

— Да.

— Меня зовут Дамир Орлов.

Я замерла.

Орлов.

Фамилия прозвучала как дверь, открывшаяся там, где я не знала, что есть проход.

Я слышала её раньше. Роман произносил это имя редко, с такой сухой неприязнью, будто оно оставляло неприятный привкус. Бывший партнёр. Враг. Человек, который, по словам мужа, «не умел проигрывать достойно».

— Откуда у вас мой номер? — спросила я.

— От человека, который считает, что вы сейчас можете оказаться одна против Романа.

Я оглянулась на дорогу.

— Кто?

— Пока не по телефону.

— Тогда зачем вы звоните?

— Чтобы сказать: не подписывайте ничего. Не отдавайте документы. Не соглашайтесь на разговоры без свидетелей. И не позволяйте ему забрать мальчика сегодня.

Сердце ударило сильнее.

— Что вы знаете о моём сыне?

— Достаточно, чтобы понимать: если Роман начал с ребёнка, значит, боится не вашего развода. Боится того, что вы вспомните, кем были до роли его жены.

Я сжала телефон.

— Я не знаю вас.

— Знаю.

— И не доверяю.

— Правильно.

Ответ был таким спокойным, что я на секунду растерялась.

— Обычно люди в такой ситуации начинают убеждать, что им можно верить.

— Люди в вашей ситуации слишком дорого платят за быстрые доверия.

Я молчала.

Дождь стекал по капюшону, капал на экран телефона. На дороге впереди показались фары такси. Или не такси. Я уже не была уверена ни в чём.

— Что вам нужно? — спросила я.

— Пока — чтобы вы доехали до сына. Потом поговорим.

— О чём?

— О сделке, которую Роман готовил не только против вас.

В груди стало тесно.

— Вы тоже хотите использовать меня против него?

— Да.

Честность прозвучала почти грубо.

— Великолепно, — сказала я. — Хоть кто-то сегодня не врёт.

— Разница в том, Вера Андреевна, что я не собираюсь делать вид, будто это благотворительность. У нас могут совпасть интересы. Вы хотите вернуть себе сына и то, что у вас забрали. Я хочу вскрыть схему, которой Роман прикрыл старое предательство. Если мы договоримся, вы будете стороной сделки, а не пешкой.

— А если не договоримся?

— Тогда я всё равно советую вам сегодня не оставаться одной.

Такси остановилось у обочины.

Водитель опустил стекло:

— Вера?

Я отступила на шаг, проверила номер машины в приложении, хотя мама обещала вызвать сама. Номер совпадал. Адрес назначения — мамин дом.

— Мне нужно ехать, — сказала я в трубку.

— Езжайте.

— Дамир Орлов?

— Да.

— Если вы знаете что-то о Романе, что касается моего сына или бизнеса, я хочу это услышать.

— Услышите.

— Но не сегодня.

— Сегодня вы должны обнять ребёнка и не подписывать ничего.

Я открыла дверцу такси.

— Вы очень уверенно раздаёте советы женщине, которую не знаете.

— Ошибаетесь, — сказал он. — Я видел вас раньше.

Я замерла, держась за дверцу.

— Где?

— Там, где Роман впервые решил, что чужой вклад можно назвать своим.

Связь оборвалась.

Я села в машину, прижала к себе рюкзак Матвея и посмотрела назад.

За поворотом, за закрытыми воротами, в дорогом доме остались Роман, Лика, папка с документами и моя рубашка в чужих руках.

Впереди — сын.

И мужчина, которого мой муж называл врагом.

А я вдруг поняла: иногда враг твоего мужа появляется не для того, чтобы разрушить твою жизнь.

Иногда он приходит в тот момент, когда муж уже сделал это первым.

Глава 2. Подпись бывшей жены

Такси пахло мокрой тканью, дешёвым освежителем и чужой усталостью.

Я сидела на заднем сиденье, прижимая к себе рюкзак Матвея так крепко, будто внутри лежали не пижама с ракетами и серый кот с пришитым ухом, а сам ребёнок. За стеклом расплывались серые улицы, фонари, вывески, люди под зонтами. Город продолжал жить в обычном ритме, и это казалось почти обидным.

Мой дом остался за закрытыми воротами.

Муж — с чужой женщиной.

Документы сына — в сейфе с новым кодом.

А я ехала к матери в двухкомнатную квартиру, которую Роман уже успел заранее превратить в аргумент против меня.

«К матери в двухкомнатную квартиру? С ребёнком, который привык к своей комнате, школе, водителю, занятиям?»

Я услышала его голос так отчётливо, будто он сидел рядом.

Нет, Роман. Матвей привык не к водителю.

Матвей привык, что перед сном я сажусь на край кровати и слушаю, как он пересказывает день так, будто защищает проект века: где кто не поделился ластиком, почему динозавры были умнее современных взрослых, и как правильно есть сырники — сначала край, потом середину, потому что «самое вкусное должно ждать».

Мой сын привык ко мне.

И если весь мир Романа собирался доказывать, что этого мало, значит, я буду доказывать обратное.

Телефон в руке снова завибрировал.

Роман.

Я смотрела на экран, пока буквы его имени не стали расплываться. Ответить — значит дать ему голос. Не ответить — значит позволить ему действовать без предупреждения.

Я ответила.

— Где ты? — спросил он сразу.

Без «Вера».

Без «как ты».

Без попытки хоть на секунду стать мужем, который только что разрушил собственную семью.

— Еду к сыну.

— Я сказал: Матвей вернётся домой.

— А я сказала: сегодня он останется у моей матери.

— Ты ничего не решаешь одна.

Я посмотрела в окно. На остановке женщина поправляла мальчику капюшон, а он недовольно крутился и пытался вырваться. Маленькая обычная сцена, в которой было больше семьи, чем во всём нашем огромном доме.

— Странно, — сказала я. — Последние часы ты как раз этим и занимался.

— Не начинай.

— Ты приготовил соглашение о разводе. Отказ от доли. Порядок проживания Матвея с тобой. График моих встреч с собственным сыном. И при этом говоришь мне, что нельзя решать одной?

На той стороне повисла пауза.

Я почти видела, как он стоит в холле, в расстёгнутой рубашке, с телефоном у уха, уже спокойный, уже собранный. Лики рядом, наверное, нет. Или есть, но молчит. Теперь она тоже знала, как выглядит Роман, когда перестаёт притворяться тёплым.

— Ты слышала не всё, — сказал он наконец.

— Достаточно.

— Нет. Ты услышала слова, вырванные из контекста.

— Контекст — это Лика в моей рубашке?

— Вера.

— Или сейф с новым кодом?

Его дыхание стало тише.

— Документы ребёнка должны храниться в доме.

— В доме или под твоим контролем?

— Это одно и то же, пока ты не начинаешь вести себя безрассудно.

Я сжала рюкзак.

— Я увидела мужа с другой женщиной, узнала, что он собирается отнять у меня сына и мою долю в бизнесе, а теперь еду к ребёнку. Где именно безрассудство?

— В том, что ты не думаешь о последствиях.

— Я как раз начала.

— Тогда возвращайся. Без Матвея. Мы поговорим спокойно. Я покажу документы, объясню условия.

— Условия?

— Да.

Слово прозвучало почти делово. Как будто он не о разводе говорил, а о контракте на поставку мебели в новый офис.

— Ты получишь деньги, — продолжил Роман. — Хорошие. Достаточно, чтобы снять нормальное жильё, не зависеть от матери, не думать о расходах. Машину оставим тебе на переходный период. Я не собираюсь выкидывать тебя на улицу.

— Как щедро.

— Не иронизируй. Это разумное предложение.

— В обмен на что?

— На нормальное поведение.

Я закрыла глаза.

Вот он. Настоящий текст мелким шрифтом.

Не на подпись.

Не на соглашение.

Не на развод.

На послушание.

— Расшифруй, — попросила я.

— Ты не устраиваешь публичных сцен. Не трогаешь компанию. Не лезешь в старые документы, которые давно не имеют значения. Не настраиваешь Матвея против меня. Мы оформляем развод тихо, без взаимных обвинений. Матвей остаётся в доме, в привычной среде. Ты видишься с ним по согласованному графику, постепенно расширяем время, если всё проходит спокойно.

Я открыла глаза.

Водитель встретился со мной взглядом в зеркале и тут же отвёл глаза. Наверное, он слышал достаточно, чтобы пожалеть, что взял заказ.

— По графику, — повторила я.

— Вера, не драматизируй. Это временно.

— Как часто?

Он чуть помолчал.

— Два будних вечера и один выходной день через неделю. Без ночёвок первое время.

Я перестала дышать.

Без ночёвок.

То есть мой семилетний сын, которого я укладывала каждую ночь, с которым учила буквы, спорила про кашу, собирала портфель, ждала под дверью кружка, обнимала после плохих снов и смешных детских обид, должен будет видеть меня два вечера в неделю.

Как кружок.

Как дополнительное занятие.

Как человека, которого можно поставить в расписание между бассейном и логопедом.

— Ты сошёл с ума, — сказала я тихо.

— Вот поэтому я и говорю: ты сейчас не готова обсуждать.

— Нет. Я готова. Просто впервые слышу тебя без перевода на человеческий.

— Не делай из меня врага.

— Ты сам выбрал место.

— Я отец.

— А я мать.

— И хорошая мать должна понимать, что ребёнку нужна стабильность.

— Хорошая мать не продаёт ребёнка за машину, квартиру и молчание.

— Осторожнее.

Вот теперь в его голосе стало холодно.

Не громче.

Твёрже.

— Нет, Роман, — сказала я. — Осторожнее теперь будешь ты.

Он усмехнулся.

— Угрожаешь?

— Учусь говорить прямо.

— С кем ты уже говорила?

— С матерью.

— Кроме неё.

Я молчала.

Секунда.

Вторая.

— Вера, — произнёс он медленно, — кто тебе звонил?

Я посмотрела на телефон, будто там мог сохраниться голос Дамира Орлова. «Там, где Роман впервые решил, что чужой вклад можно назвать своим».

— Тебе не всё равно?

— Не играй со мной.

— А ты не приказывай.

Он резко выдохнул.

— Если ты связалась с Орловым…

Я замерла.

Он сам назвал фамилию.

Значит, боялся именно этого.

Значит, Дамир не преувеличивал.

— Интересно, — сказала я. — Я его имени не произносила.

Пауза стала почти физической.

Потом Роман сказал:

— Не делай глупостей.

— Поздно. Я уже вышла замуж за человека, который считал меня удобной.

— Ты сегодня очень смелая, потому что едешь под крыло к матери.

— А ты сегодня очень властный, потому что сын не рядом и нельзя использовать его взгляд против меня.

— Вера.

— Я не подпишу твои бумаги.

— Подпишешь.

— Нет.

— Ты не понимаешь, сколько рычагов у меня в руках.

— Зато я начинаю понимать, сколько лет сама помогала тебе их делать.

Он замолчал.

Я услышала в трубке какой-то тихий звук. Шорох бумаги. Может быть, та самая папка. Может быть, он уже снова держал документы, где моя жизнь была разложена по пунктам.

— Последний раз предлагаю спокойно, — сказал он. — Приезжай сегодня. Одна. Мы оформим предварительное соглашение. Матвей завтра вернётся домой. Ты сможешь увидеть его послезавтра, после школы. Если не будешь усугублять.

Я медленно убрала телефон от уха, посмотрела на экран, потом снова приложила.

— Ты правда думаешь, что можешь назначить мне встречу с сыном как деловой слот?

— Я думаю, что могу защитить ребёнка от твоей истерики.

— Тогда записывай первое решение без истерики: я не приеду подписывать отказ от Матвея.

— Значит, будем иначе.

— Именно.

Я отключила звонок.

Телефон тут же завибрировал снова.

Я не ответила.

Потом пришло сообщение.

«Ты пожалеешь».

Я посмотрела на эти два слова.

Раньше они бы заставили меня искать компромисс. Сейчас только подтвердили: я сделала правильно.

У маминого дома такси остановилось через двадцать минут.

Пятиэтажка стояла во дворе между старыми липами, мокрыми качелями и машинами, припаркованными так, будто их ставили в темноте и с обидой на жизнь. Здесь не было охраны, камер по периметру, автоматических ворот и гладкой дорожки к крыльцу. Зато на третьем этаже горел свет в окне кухни, где меня ждали.

Я расплатилась, хотя мама уже оплатила поездку. Водитель хотел возразить, но посмотрел на моё лицо и просто кивнул.

— Удачи вам, — сказал он.

Я чуть удивилась.

— Спасибо.

— У меня сестра так уходила. Только без рюкзака. Потом жалела, что сразу не забрала детские вещи.

Я прижала рюкзак крепче.

— Я забрала.

— Ну и правильно.

Он уехал.

Я поднялась на третий этаж пешком. Лифт у мамы работал через раз, как и всё в этом доме, но сейчас лестница даже помогала: каждая ступень возвращала меня в тело. Я больше

не была голосом в телефоне, не подписью в чужой папке, не женщиной, которую забыли предупредить о конце брака.

Я была матерью, которая идёт к сыну.

Мама открыла раньше, чем я успела нажать звонок.

— Господи, Вера.

Она не спросила ничего. Только втянула меня в квартиру и крепко обняла. Так крепко, как обнимают не взрослую дочь, а ребёнка, который слишком долго делал вид, что у него всё хорошо.

Я уткнулась лбом ей в плечо.

На секунду захотелось отпустить себя.

Разрыдаться.

Сесть на пол в прихожей.

Сказать: «Мам, я не знаю, что делать».

Но из комнаты донёсся голос Матвея:

— Бабушка, это мама?

Я выпрямилась.

Мама сразу отступила, посмотрела на меня внимательно и тихо сказала:

— Лицо.

— Что?

— Лицо сделай живое. Он смотрит.

Я почти рассмеялась. От невозможности. От боли. От того, что мама, как всегда, нашла самый нужный приказ.

Матвей выбежал из комнаты в носках с динозаврами. На одном колене — пятно от фломастера. В руках — клейкая наклейка с тираннозавром, которую он, видимо, не успел приклеить.

— Мам! Ты нашла альбом?

Я присела перед ним и показала.

— Нашла.

— А машинку?

Я достала красную машинку из кармана.

Он облегчённо выдохнул, будто я вернула не игрушку, а пропавшего члена семьи.

— Хорошо. Она бы там испугалась.

Я обняла его.

Слишком сильно.

Матвей сразу напрягся.

— Мам?

Я отпустила чуть-чуть.

— Прости. Соскучилась.

— Ты же утром меня видела.

— За день можно соскучиться.

Он подозрительно посмотрел на меня.

Семь лет — это возраст, когда ребёнок уже понимает интонации, но ещё не знает, что с ними делать.

— А папа приедет? — спросил он.

Мама у меня за спиной замерла.

Я провела ладонью по волосам сына.

— Не знаю, родной.

— Мы сегодня не домой?

— Сегодня переночуем у бабушки.

Он нахмурился.

— Почему?

Вот и первый вопрос.

Самый простой.

Самый трудный.

— Потому что у нас с папой важный взрослый разговор, — сказала я. — И я хочу, чтобы ты пока был там, где спокойно.

Матвей посмотрел на рюкзак в моей руке.

— Ты мои вещи взяла.

— Да.

— Значит, разговор очень важный?

— Да.

Он подумал.

— Папа сердится?

Я не стала врать.

— Да.

— На меня?

— Нет. Никогда. Это не из-за тебя.

Он кивнул, но я видела: не поверил до конца.

Дети часто слышат «не из-за тебя» как «значит, я просто ещё не понял, где виноват».

— Матвей, — я взяла его ладошки. — Посмотри на меня. Если взрослые спорят, это не потому, что ребёнок сделал что-то не так. Ты не должен исправлять нас. Не должен выбирать, кого любить. И не должен делать вид, что тебе всё равно, если тебе страшно или непонятно.

Он помолчал.

— А мне можно любить папу?

У меня сжалось горло.

— Конечно.

— Даже если ты на него сердишься?

— Даже тогда.

— А тебе можно сердиться?

— Мне можно.

— А мне?

— И тебе можно.

Он обдумал это очень серьёзно.

— Тогда я немножко сержусь, что мы не дома. Но рад, что альбом приехал.

Я поцеловала его в макушку.

— Это честно.

Мама тихо выдохнула, будто только сейчас начала дышать.

— Так, — сказала она бодро. — Раз у нас историческое прибытие альбома, идём есть сырники.

— На ужин? — оживился Матвей.

— Сегодня сырники могут быть кем угодно.

— Даже динозаврами?

— Особенно.

Он убежал на кухню.

Я осталась в прихожей с мамой.

Она закрыла дверь на замок. Потом на второй. Потом поставила цепочку.

— Мам.

— Что? Я женщина старой школы. Мне так спокойнее.

— Роман может приехать.

— Пусть едет. Домофон у нас старый, характер у меня тоже.

Я оперлась плечом о стену.

— Он требует, чтобы я приехала одна и подписала соглашение.

— Что за соглашение?

— Деньги. Молчание. Отказ от бизнеса. Матвей живёт с ним. Я вижу сына по графику.

Мама долго смотрела на меня.

Её лицо менялось медленно. Сначала непонимание, потом злость, потом такая холодная ясность, что я поняла, в кого пошла.

— Он всегда был самоуверенным, — сказала она. — Но я не думала, что настолько.

— Я тоже.

— Ты подпишешь?

— Нет.

— Хорошо.

— Мне нужен юрист.

— Нужен. Но не их.

— Все юристы по бизнесу — его.

— Значит, найдём не его.

Я посмотрела на телефон.

Там было уже семь пропущенных от Романа, три сообщения и одно от незнакомого номера.

Дамир.

«Вы доехали?»

Я не ответила сразу.

Мама заметила.

— Кто?

— Дамир Орлов.

Она прищурилась.

— Тот самый?

— Ты знаешь?

— Имя слышала. Роман однажды на семейном ужине так сказал «Орлов», что я запомнила. Обычно мужчины так произносят фамилии тех, кому задолжали больше, чем деньги.

— Он звонил. Сказал ничего не подписывать.

— Умный мужчина.

— Или опасный.

— Одно другому не мешает.

— Мам.

— Что? Ты думала, я буду советовать тебе найти доброго тихого бухгалтера? Нет, Вера. Сейчас тебе нужен не добрый. Тебе нужен тот, кто понимает, как Роман устроен. Только голову не теряй. Враг твоего мужа не автоматически твой друг.

— Я знаю.

— Хорошо. Тогда ешь сырник и звони тому, кто может помочь.

— Сначала Матвей.

— Матвей ест уже второй.

На кухне сын действительно сидел за столом, болтал ногами и клеил наклейку в альбом между кусками сырника. Мама поставила передо мной тарелку. Я взяла вилку, хотя есть не могла.

Телефон снова завибрировал.

Роман.

Я не ответила.

Сообщение:

«Если через час ты не будешь дома, я сам приеду за Матвеем».

Второе:

«Не заставляй меня подключать людей».

Третье:

«У тебя нет денег даже на нормального адвоката, Вера. Не делай вид, что контролируешь ситуацию».

Я смотрела на последнее сообщение, и руки наконец начали дрожать.

Не от страха.

От унижения.

Он знал, куда бить. Конечно, знал. Он сам постепенно сделал так, чтобы все крупные платежи шли через его счета, его помощников, его одобрение. «Так удобнее, Вера». «Зачем тебе забивать голову?» «Ты всё равно тратишь на дом и Матвея, просто скажи мне». Я соглашалась, потому что в семье деньги казались общими, пока однажды не стали его оружием.

Я открыла банковское приложение.

Пароль сработал.

На главной странице висели карты.

Основная семейная.

Моя дополнительная.

Счёт, куда приходили дивиденды по старой доле, которую Роман последние годы называл «формальностью».

Я нажала на карту.

«Операции временно ограничены».

На вторую.

«Карта заблокирована держателем основного счёта».

На счёт.

«Доступ к операциям ограничен. Обратитесь в банк».

Я не сразу поняла, что перестала слышать кухню.

Матвей что-то рассказывал бабушке про динозавра с «серьёзным характером». Мама ему отвечала. Ложка стучала о чашку. За окном проезжала машина.

А я смотрела на экран и понимала: Роман не ждал часа.

Он уже начал.

— Мам, — сказала я тихо.

Она посмотрела на меня.

Я повернула телефон экраном к ней.

Мама прочитала. Лицо её стало жёстким.

— Быстро.

— Он всегда быстро закрывает краны.

Матвей поднял голову.

— Какие краны?

Я сразу убрала телефон.

— Взрослые краны. В бизнесе.

— А-а. Скучно.

— Очень, — сказала мама. — Поэтому доедай сырник.

Я вышла в комнату, прикрыв дверь. Только там позволила себе набрать Романа.

Он ответил сразу.

— Наконец-то.

— Ты заблокировал карты.

— Я ограничил доступ к семейным средствам, пока ты ведёшь себя непредсказуемо.

— Ты заблокировал мои деньги.

— Наши деньги.

— Когда тебе удобно — наши. Когда документы — твои.

— Вера, я не собираюсь финансировать твою попытку украсть у меня сына.

— Украсть?

— Ты удерживаешь Матвея не дома.

— Он у бабушки.

— Без моего согласия.

— Ты собирался оставить меня с графиком встреч.

— Потому что вижу, что ты сейчас не способна думать о ребёнке, а не о своей обиде.

Я закрыла глаза и медленно вдохнула.

Не сорваться.

Не дать ему запись, где я кричу.

— Роман, слушай внимательно. Матвей сегодня останется со мной. Я ничего не подпишу. Все предложения присылай письменно. Завтра я свяжусь с юристом.

Он тихо рассмеялся.

— С каким?

— Не твоё дело.

— Если это Орлов, ты совершишь ошибку, которую уже не исправишь.

— Ты очень боишься этого имени.

— Я презираю его.

— Иногда это одно и то же.

— Ты ничего не знаешь.

— Вот и узнаю.

В трубке стало тихо.

Потом Роман сказал:

— Если ты пойдёшь к Орлову, я перестану быть мягким.

— Ты сегодня заблокировал мои карты и пытался оставить мне сына по расписанию. Это была мягкость?

— Это была возможность договориться.

— Нет. Это был поводок. Только ты не учёл, что поводок держится, пока человек согласен считать себя твоей собакой.

Он резко выдохнул.

— Ты сейчас унижаешь нас обоих.

— Ты справился без моей помощи.

— Хорошо, — сказал он после паузы. — Раз ты хочешь письменно, получишь письменно. Курьер привезёт соглашение сегодня.

— Я его не подпишу.

— Прочитаешь. Потом подпишешь.

— Нет.

— Вера, у тебя нет доступа к счетам, документов Матвея, дома, команды, юристов и понимания, что именно записано в корпоративных бумагах. У тебя есть мать, рюкзак с детской пижамой и телефон Орлова, если он уже успел тебе позвонить. Это не позиция. Это эмоциональный жест.

— Запомни этот жест. Он первый из тех, которые ты не контролируешь.

Я отключила звонок.

И сразу набрала Дамира.

Он ответил не сразу. На третьем гудке.

— Вы доехали? — спросил он.

— Да.

— Сын с вами?

— Да.

— Документы?

— У Романа. Он поменял код сейфа.

— Ожидаемо.

— Для вас, может быть.

— Для него — тоже. Значит, готовился давно.

Я прижала телефон к уху и подошла к окну. Во дворе кто-то вёл собаку, под навесом у подъезда стояли двое подростков и смеялись над чем-то в телефоне. Обычная жизнь снова делала вид, что всё можно пережить.

— Он заблокировал карты, — сказала я.

— Уже?

— Да.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Он торопится. Торопящиеся люди оставляют следы.

— Мне сейчас не до следов. У меня ребёнок в соседней комнате, ноль доступа к деньгам и муж, который присылает соглашение курьером.

— Ничего не подписывайте.

— Это я уже слышала.

— Тогда услышьте второе: сфотографируйте всё, что пришлёт. Каждую страницу. Даже если решите не читать. Особенно если там будет график встреч с Матвеем.

— Почему?

— Потому что человек, который предлагает матери увидеть сына два раза в неделю, потом будет называть себя разумным. Пусть делает это письменно.

Я закрыла глаза.

— Он действительно предложил два вечера и один выходной через неделю. Без ночёвок.

— Быстро перешёл к сути.

— Вы его ненавидите?

— Да.

Я почему-то устала от честности.

— Прекрасно.

— Но это не мешает мне понимать, где он силён.

— И где?

— Он не давит туда, где будет выглядеть грубо. Он сначала создаёт условия, в которых вы сами должны прийти за “миром”. Заблокированные карты, документы в сейфе, охрана, разговоры о стабильности, сомнения в вашем состоянии. Потом он предложит красивую бумагу. Потом скажет всем: я пытался договориться.

Я молчала.

Он описывал Романа не как врага из прошлого, а как человека, которого когда-то видел очень близко.

— Что мне делать? — спросила я. И тут же пожалела.

Потому что вопрос звучал слишком беспомощно.

Дамир не воспользовался.

— Первое: сын не остаётся один с людьми Романа. Второе: вы не встречаетесь с Романом без свидетелей. Третье: соглашение фотографируете и отправляете юристу, которого я могу

порекомендовать, но только если вы сами согласитесь. Четвёртое: не вступаете в переписку, где вас легко вывести на резкие слова.

— Поздно. Я уже кое-что написала.

— Насколько резкое?

— Назвала его поводок поводком.

На той стороне впервые возникла пауза, похожая почти на улыбку.

— Могло быть хуже.

— Очень утешительно.

— Вера Андреевна, сейчас не время быть идеальной. Сейчас время не дать ему оформить вас удобной виноватой.

Я прислонилась лбом к стеклу.

— Почему вы помогаете?

— Я уже сказал: наши интересы могут совпасть.

— А если я не хочу быть частью вашей мести?

— Тогда не будьте. Будьте частью собственной защиты.

— И вы просто отойдёте?

— Нет.

Я открыла глаза.

— Нет?

— Я всё равно буду искать то, что Роман украл у меня. Но без вас это будет дольше и грязнее. С вами — точнее.

— Украл?

— Не по телефону.

— Вы постоянно говорите «не по телефону».

— Потому что Роман любит слушать чужие разговоры чужими ушами.

Я посмотрела на свой телефон с внезапным отвращением.

— Вы думаете…

— Я думаю, что вам нужно говорить меньше, фиксировать больше и сегодня спать там, где дверь открывает не охрана Грановского.

— Мы у мамы.

— Хорошо.

— Это звучит так, будто вы уже знаете адрес.

— Нет. И не хочу знать, пока вы сами не скажете.

Странное уважение к границам.

После Романа оно ощущалось почти подозрительно.

— Курьер приедет, — сказала я. — Что делать?

— Принять конверт при свидетеле. Не открывать на лестнице. Снять получение на видео, если сможете спокойно. Потом открыть, сфотографировать, никому не отвечать сразу.

— Вы правда думаете, я способна спокойно снимать курьера с документами о том, как у меня забирают сына?

— Нет. Но вы способны открыть камеру и держать телефон в руке. Это уже достаточно.

Я услышала в коридоре голос Матвея:

— Мам, иди! Бабушка говорит, сырник последний, но я видел ещё!

Я обернулась.

— Мне нужно к сыну.

— Идите.

— Дамир.

— Да?

— Вы сказали, что видели меня там, где Роман впервые решил назвать чужой вклад своим.

— Да.

— Где это было?

Пауза.

На этот раз длиннее.

— В старом офисе на Складочной. Вы стояли у доски с финансовой схемой, беременная, злая и очень убедительная. Роман тогда сказал после встречи, что инвестор поверил ему. Хотя все в комнате знали, что поверил он вам.

Я не сразу нашла голос.

Складочная.

Старый офис.

Доска с финансовой схемой.

Я помнила тот день. Ноги отекали, Роман опоздал, поставщик грозил сорвать контракт, я встала к доске, потому что кто-то должен был объяснить цифры без крика. Я думала, меня тогда никто не заметил. Кроме, может быть, старого бухгалтера, который потом принёс мне чай и сказал: «Девочка, тебе бы свою фирму, а не этого красавца вытаскивать».

— Вы были там? — спросила я.

— Был.

— Почему я вас не помню?

— Потому что смотрели на задачу. Не на мужчин вокруг.

У меня по коже прошёл странный холодок.

Не неприятный.

Опасный.

— Я вам перезвоню, — сказала я.

— Не затягивайте с юристом.

— Я не обещала брать вашего.

— И правильно.

Я отключилась.

На кухне Матвей действительно пытался защитить последний сырник от бабушкиной версии справедливости. Я села рядом, разломила свой нетронутый и переложила ему половину.

— Мам, а почему ты не ешь? — спросил он.

— Делюсь.

— Взрослые всегда так говорят, когда сами не хотят.

Мама фыркнула.

— У нас растёт опасный человек.

— Я не опасный, я наблюдательный.

Я улыбнулась.

— Очень.

Телефон зазвонил через сорок минут.

Не мой.

Домофон.

Мама поднялась первой.

— Сиди.

— Мам.

— Я сказала, сиди.

Она вышла в прихожую. Я всё равно встала и подошла к двери кухни, чтобы слышать.

— Кто? — спросила мама в трубку домофона.

Глухой мужской голос ответил:

— Курьер. Документы для Веры Андреевны Грановской.

Матвей поднял голову.

— Нам посылка?

Я вернулась на кухню.

— Взрослые бумаги.

— Скучно.

— Очень.

Мама открыла подъезд, но дверь квартиры не распахнула. Сначала посмотрела в глазок. Потом взяла телефон и включила запись.

Я чуть не улыбнулась.

Моя мама училась быстрее меня.

Курьер оказался молодым парнем в мокрой куртке с логотипом службы доставки. В руках — плотный белый конверт.

— Вера Андреевна? — спросил он.

— Я, — сказала я, выходя в прихожую.

— Распишитесь.

— От кого?

Он посмотрел в планшет.

— От Грановского Романа Сергеевича.

Мама стояла рядом с телефоном в руке.

Я расписалась, забрала конверт и закрыла дверь.

Матвей уже стоял в коридоре.

— Это от папы?

Я присела перед ним.

— Да.

— Он поздравляет меня с перенесённым конкурсом?

Я не выдержала и коротко рассмеялась.

Не от радости.

От того, что детская надежда иногда жестче любого обвинения.

— Нет, родной. Это для меня.

— А папа приедет?

— Не знаю.

— Он злится?

— Наверное.

Матвей посмотрел на конверт.

— Из-за меня?

Я поставила конверт на тумбу, словно он мог обжечь.

— Нет. Из-за взрослых решений.

— А если я позвоню и скажу, что я не виноват?

Мама закрыла глаза.

Я взяла сына за плечи.

— Ты не должен никому доказывать, что не виноват.

— Но папа иногда не понимает, пока ему не скажешь.

Вот так.

Просто.

Ребёнок знал о собственном отце то, что я годами украшала объяснениями.

— Сегодня не надо звонить, — сказала я. — Если захочешь поговорить с папой завтра, мы решим вместе.

— Он обидится?

— Может быть.

— А я тоже могу обидеться?

— Можешь.

Матвей кивнул и вдруг обнял меня за шею.

— Тогда я немножко обижусь. Но не навсегда.

— Хорошо.

— И ты не навсегда?

Я прижала его к себе.

— Я рядом. Навсегда — это как раз про это.

Когда Матвей ушёл в комнату с альбомом, мы с мамой сели на кухне и открыли конверт.

Я заранее включила камеру. Руки всё равно дрожали, но теперь дрожь хотя бы была зафиксирована вместе с документами.

Внутри лежала папка.

Тонкая.

Дорогая.

С гербом юридической компании, с которой Роман работал последние пять лет.

На первой странице — «Предварительное соглашение о расторжении брака и урегулировании имущественных и семейных вопросов».

Мама тихо сказала:

— Урегулировании. Как будто у них труба течёт.

Я начала читать.

Пункт первый: стороны признают невозможность дальнейшего совместного проживания.

Пункт второй: Вера Андреевна получает единовременную компенсацию.

Сумма была большой.

Такой, от которой раньше у меня перехватило бы дыхание. Сейчас я смотрела на цифры и видела не щедрость, а цену моего молчания.

Пункт третий: Вера Андреевна не имеет претензий к структуре владения компанией, долям, активам, связанным с группой «Грановский Партнёрс», и признаёт фактическое участие Романа Сергеевича в управлении единоличным.

— Единоличным, — повторила я.

Мама подалась ближе.

— А твоя доля?

— Вот тут. Отказ от любых требований, включая историческое участие, первоначальные вложения, консультационную и проектную помощь.

— Проектную помощь? Ты ночами эти таблицы собирала.

— Теперь это помощь.

Я листала дальше.

Пункт о неразглашении личных обстоятельств брака.

Пункт о запрете публичных заявлений, способных нанести вред деловой репутации Романа Сергеевича.

Пункт о передаче семейного автомобиля во временное пользование на три месяца.

Пункт о жилье: Роман готов оплачивать аренду квартиры сроком до одного года, при условии соблюдения соглашения.

А потом — Матвей.

Я читала медленно, потому что глаза отказывались складывать слова.

Место проживания ребёнка — с отцом.

Мать имеет право на встречи два раза в неделю с семнадцати до двадцати часов, каждая в присутствии согласованного лица в первый месяц.

Один выходной день через неделю с десяти до восемнадцати.

Ночные пребывания — после дополнительного согласования.

Выезд ребёнка за пределы города — только с письменного разрешения отца.

Изменение образовательной организации, места проживания, режима занятий — только с письменного разрешения отца.

— Он что, издевается? — спросила мама.

Я не ответила.

На последней странице уже стояло его имя.

Не подпись.

Просто подготовленное место.

Роман Сергеевич Грановский.

Вера Андреевна Грановская.

Место для моей подписи казалось слишком большим.

Будто они заранее оставили пространство для капитуляции.

Телефон завибрировал.

Роман.

Сообщение:

«Курьер доставил. Прочитай без эмоций. Это лучший вариант для всех».

Я сфотографировала страницу за страницей. Каждую. Как сказал Дамир. Потом отправила снимки на свой облачный диск, маме и отдельным архивом на почту, которую Роман не знал. На всякий случай.

Потом написала Дамиру:

«Документы получила. Фотографирую. Юрист нужен».

Ответ пришёл быстро:

«Пришлю контакт. Решение принимать вам».

Через минуту пришло имя: Мария Львовна Соколова. Телефон. Короткое сообщение: «Семейные дела, корпоративные споры. Романа не любит, но не из-за меня. Это плюс».

Я почти улыбнулась.

Потом набрала номер.

Женщина ответила спокойным низким голосом.

— Соколова.

— Мария Львовна, меня зовут Вера Грановская. Ваш номер мне дал Дамир Орлов.

— Тогда у вас, вероятно, мало времени и много документов.

— Да.

— Вы что-то подписали?

— Нет.

— Ребёнок с вами?

— Да.

— Хорошо. Документы сфотографировали?

— Да.

— Пришлите мне. И сразу: не встречайтесь с мужем одна. Не отвечайте длинно на сообщения. Никаких объяснений, никаких оправданий. Только: «получила, передала представителю, предложения будут рассмотрены». Всё.

— Он заблокировал карты.

— Зафиксируйте. Скриншоты с временем. Были личные средства?

— Да. Но всё смешано.

— Разберём. Документы ребёнка где?

— В домашнем сейфе. Код поменял.

— Плохо, но полезно. Вы это зафиксировали?

— Да.

— Хорошо. Вы не беспомощны, Вера Андреевна. Просто вас долго убеждали, что без доступа к его инструментам вы не человек с правами. Это неправда.

Я села ровнее.

Слова были сухие, почти деловые.

Но именно поэтому я им поверила.

— Что будет дальше? — спросила я.

— Он попытается вернуть ребёнка домой под предлогом заботы. Если не получится, будет создавать картину, что вы нестабильны, удерживаете сына и действуете под влиянием Орлова.

— Он уже начал.

— Значит, мы не опаздываем. Сегодня никуда не ездите с ребёнком. Завтра утром подадим первичные заявления и направим официальный ответ по соглашению. Сейчас пришлите всё, что есть. И отдыхайте, если сможете.

Отдыхайте.

Я посмотрела на папку перед собой и едва не сказала, что это слово из другого языка.

— Спасибо, — произнесла я.

— Рано. Пока вы просто не подписали глупость. Это хороший старт, но не победа.

— Я понимаю.

— Отлично. Победы портят тех, кто путает их с первым правильным шагом.

Мне понравилась эта женщина.

Мы отключились.

Мама сидела напротив, сложив руки на столе.

— Ну?

— Она сказала не подписывать и никуда не ехать.

— Разумная.

— Ты всех сегодня называешь разумными, кто говорит то же, что ты.

— Потому что я права.

Из комнаты вышел Матвей в пижаме, которую я привезла. Серый кот был уже у него под мышкой.

— Мам, а где я буду спать?

— На диване со мной, — сказала я. — Или на раскладушке рядом, как хочешь.

Он подумал.

— С тобой. Но я уже большой, просто диван надо проверить.

— Конечно.

— А папа знает, что я тут?

Я посмотрела на него.

— Знает.

— Он приедет?

Домофон зазвонил.

Мы все замерли.

Матвей сразу прижался ко мне.

Мама поднялась.

— Я посмотрю.

— Мам, подожди.

Я взяла телефон и включила запись.

Домофон звонил снова.

Резко.

Долго.

Мама сняла трубку.

— Кто?

Голос Романа был слышен даже из кухни:

— Нина Павловна, откройте. Я приехал за сыном.

Мама посмотрела на меня.

Вот и всё.

Он не дал нам даже вечера.

— Роман Сергеевич, — сказала мама удивительно спокойно, — Матвей уже готовится ко сну.

— Это не обсуждается. Откройте дверь.

Матвей поднял на меня испуганные глаза.

— Папа приехал?

Я присела перед ним.

— Да.

— Он злой?

— Он хочет поговорить.

— Со мной?

— Пока нет. Со взрослыми.

— Я не хочу вниз.

— Ты и не пойдёшь.

Он вцепился в моего рукав.

Мама тем временем сказала в трубку:

— Без согласия Веры я дверь не открою.

— Вера не имеет права удерживать ребёнка.

Я взяла у мамы трубку.

— Роман.

— Спускай Матвея.

— Нет.

— Вера, не устраивай цирк в подъезде.

— Тогда уезжай.

— Я отец.

— Никто не спорит.

— Спускай сына.

— Он не хочет.

Матвей шепнул:

— Не хочу.

Я посмотрела на него и повторила громче:

— Он не хочет.

Пауза.

Потом голос Романа стал ниже:

— Ты уже начала вкладывать ему слова?

— Он стоит рядом и держит меня за рукав.

— Дай трубку.

Матвей замотал головой так быстро, что серый кот едва не выпал.

— Нет, — сказала я.

— Вера.

— Он поговорит с тобой завтра, если захочет. Сегодня ты не поднимешься и не заберёшь его.

— Ты пожалеешь.

— Ты уже писал.

Он помолчал.

— Хорошо. Тогда слушай внимательно. Я сейчас уезжаю. Но с этого момента школа, водитель, охрана дома и все сотрудники получили распоряжение: Матвей не перемещается без моего письменного разрешения. Если ты приведёшь его домой, за вещами или по любой причине, он оттуда не выйдет без моего согласия. Если попытаешься вывезти его через пост — тебя остановят.

У меня похолодели пальцы.

Мама закрыла рот ладонью.

— Ты сейчас угрожаешь мне через ребёнка, — сказала я.

— Я защищаю сына от твоих импульсивных решений.

— Он не вещь, Роман.

— Тогда перестань таскать его между квартирами.

Матвей тихо спросил:

— Мам, папа меня не выпустит?

Я закрыла глаза.

Он услышал.

Конечно, услышал.

Роман тоже услышал, потому что в трубке на секунду стало тихо.

— Матвей рядом? — спросил он.

— Да. И теперь он слышал, как ты говоришь, что его не выпустят.

— Дай трубку сыну.

— Нет.

— Вера!

Я положила трубку домофона на рычаг.

В квартире стало тихо.

Матвей стоял передо мной в пижаме с ракетами, с серым котом под мышкой и лицом ребёнка, который только что понял: взрослые могут спорить не только словами. Они могут закрывать двери.

— Мам, — спросил он еле слышно, — папа правда может меня не выпустить?

Я опустилась перед ним на колени.

Сказать «нет» было бы проще.

Но сегодня ложь уже и так слишком много успела сделать.

— Он может попытаться, — сказала я. — А я сделаю всё, чтобы этого не произошло.

— А если дверь сильная?

Я обняла его.

— Тогда мы найдём другую дверь.

Он прижался ко мне лбом.

— Я не хочу быть как машинка в гараже.

Я закрыла глаза и почувствовала, как внутри меня окончательно исчезает последняя мягкая надежда на «договориться по-хорошему».

Роман хотел подпись бывшей жены.

Хотел молчание.

Хотел сына по расписанию.

Хотел, чтобы я пришла к нему за разрешением быть матерью.

Я взяла телефон и написала Марии Львовне:

«Он приезжал. Требовал ребёнка. Сказал, что охрана получила распоряжение не выпускать Матвея без его разрешения. Ребёнок слышал».

Потом — Дамиру:

«Он начал с Матвея. Вы были правы».
Ответ пришёл почти сразу.
«Теперь он сам дал нам первое настоящее оружие. Берегите сына. Завтра начинаем».

Глава 3. Враг моего мужа

Ночь у мамы оказалась длиннее моего брака.

Матвей уснул только после одиннадцати. Сначала долго ворочался на диване, перекладывал серого кота с одного бока на другой, спрашивал, можно ли завтра всё-таки пойти в школу и будет ли папа стоять у ворот. Потом попросил воды. Потом сказал, что ему не нужна вода, просто «рот думает». Потом вдруг сел и спросил:

— Мам, а если папа хочет, чтобы я жил у него, значит, он больше тебя не любит?

Я сидела рядом на краю дивана и держала его маленькую ладонь в своей.

Мама на кухне замерла так резко, что даже чайная ложка перестала звенеть о чашку.

— Это не про любовь к тебе, — сказала я осторожно.

— А про что?

Про власть. Про гордость. Про привычку считать живых людей частью собственности. Про то, что взрослый мужчина может перепутать ребёнка с доказательством своей победы.

Но сыну семь.

Ему нельзя было отдавать взрослую грязь целиком.

— Про то, что мы с папой сейчас очень плохо умеем договариваться, — ответила я. — Но ты не должен чинить наши разговоры.

— Я могу не чинить. Я всё равно не умею.

— Вот и хорошо.

— Но если папа приедет утром?

— Мы будем дома. С бабушкой.

— А школа?

Я провела рукой по его волосам.

— Утром решим.

— Мам, — он нахмурился, — если я не пойду, папа скажет, что я прогуливаю. Он не любит, когда я пропускаю.

— Завтра никто не будет ругать тебя за школу.

— Даже папа?

Я не стала обещать за Романа.

— Я буду рядом, когда мы будем это решать.

Матвей долго смотрел на меня, будто проверял, можно ли положить на эту фразу весь страх. Потом кивнул, повернулся на бок и прижал серого кота к щеке.

— Ты тоже поспишь?

— Обязательно.

— А ты не уйдёшь, пока я сплю?

Я почувствовала, как в груди что-то болезненно сжалось.

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

Он закрыл глаза.

Через пять минут дыхание стало ровным.

Я сидела рядом ещё долго. Смотрела, как на его лбу двигается тонкая прядь, как пальцы держат край одеяла, как на полу возле дивана лежит красная машинка с отколотым колесом. Та самая, которую он боялся оставить в доме Романа. В детских страхах всегда больше правды, чем взрослые готовы признать.

Машинка боялась.

Матвей боялся.

Я тоже.

Только я больше не имела права делать вид, что страх — это повод вернуться.

Телефон лежал на подоконнике, экраном вниз. Я переворачивала его каждые несколько минут, хотя сама себе запрещала. От Романа пришло ещё четыре сообщения.

«Ты создаёшь ребёнку стресс».

«Утром я жду Матвея дома».

«Не заставляй меня подключать школу».

«Подумай, кто реально может обеспечить ему нормальную жизнь».

Нормальную.

Как легко мужчины вроде Романа присваивают себе обычные слова. Нормальная жизнь. Стабильность. Забота. Семья. Дом. А потом вкладывают туда свой смысл, где женщина обязана быть благодарной за расписание встреч с собственным сыном.

От Марии Львовны пришло короткое:

«Утром в 8:30 созвон. До этого ничего не отвечайте. Если будет попытка забрать ребёнка — фиксируйте и не спорьте без свидетелей».

От Дамира:

«Теперь он сам дал нам первое настоящее оружие. Берегите сына. Завтра начинаем».

Я перечитала его сообщение раз десять.

«Нам».

Это слово цепляло.

Я не хотела «нам» с незнакомым мужчиной. Не хотела нового сильного голоса, который сейчас войдёт в мою жизнь, разложит всё по полкам и скажет: «Делай так». Я уже пятнадцать лет прожила рядом с человеком, который умел превращать помощь в право распоряжаться.

Но Дамир не говорил «доверьтесь мне».

Он говорил «не подписывайте».

И «если договоримся».

И «вы будете стороной сделки, а не пешкой».

Разница была.

Опасная, но была.

Я набрала ответ:

«Завтра встреча только при Марии Львовне. Не одна».

Он ответил быстро, будто не спал.

«Правильно. Место выберет она».

Я почему-то выдохнула.

Мама вошла из кухни уже в домашнем халате, с чашкой в руках. Поставила её на тумбу рядом со мной.

— Пей.

— Не хочу.

— Я не спрашивала.

— Ты всегда такая ласковая в кризис?

— Нет. Обычно хуже. Берегу тебя.

Я взяла чашку, просто чтобы она не стояла зря. Напиток был тёплый, пах мятой и мёдом. Я сделала глоток и тут же посмотрела на маму.

— Мам.

— Что?

— Ты специально?

— Что именно?

— Мёд. Ты же знаешь, я не люблю.

— Знаю. Зато ты сразу перестала смотреть на телефон как на гранату.

Я неожиданно улыбнулась.

Мама села рядом, осторожно, чтобы не разбудить Матвея.

— Ты хоть понимаешь, что завтра он начнёт бить по всем слабым местам?

— Понимаю.

— Школа, деньги, дом, документы, твоя репутация, этот Орлов.

— Я знаю.

— Нет, Вера. Знать и прожить — разные вещи. Роман не будет просто кричать в домофон. Он соберёт людей, которые скажут, что ты эмоциональная, неблагодарная, зависла в прошлом, плохо влияешь на ребёнка.

— Мам, не надо.

— Надо. Ты должна слышать это дома, а не впервые от его юристов. Чтобы там у тебя лицо не поплыло.

— Ты чудесно умеешь поддержать.

— Я поддерживаю позвоночник, а не настроение.

Я посмотрела на неё и вдруг поняла, как сильно за день состарилась не только я. Мама держалась, шутила, командовала, но в глазах у неё сидел страх. Не за себя. За меня. За Матвея. За то, что однажды она уже продала почти всё, чтобы помочь моему браку стать бизнесом, а теперь этот бизнес пришёл за её внуком.

— Прости, — сказала я.

Она нахмурилась.

— За что?

— За то, что втянула тебя.

— Вера, я твоя мать. Меня не втягивают. Я сама вхожу, если у моего ребёнка под дверью стоит беда.

— Мне тридцать пять.

— И что? У беды возраст спрашивать принято?

Я снова посмотрела на спящего Матвея.

— Я боюсь, что он завтра увидит что-то плохое.

— Он уже видит. Вопрос только в том, кто рядом объяснит ему, что он не виноват.

— Я не знаю, справлюсь ли.

Мама взяла мою руку. Её ладонь была сухой, тёплой, с тонкими морщинками у пальцев.

— Справишься не потому, что не страшно. Справишься, потому что другого выхода не оставили.

Это было не утешение.

Зато правда.

Утро началось с дверного звонка.

Не домофона.

Дверного.

Резкого, короткого, как удар по нервам.

Я проснулась мгновенно, хотя, кажется, задремала всего на час. Матвей лежал рядом, уткнувшись носом в серого кота. Мама уже стояла в прихожей. В руке — телефон, камера включена.

— Кто? — спросила она через дверь.

— Курьер, — ответил мужской голос.

Я села.

Матвей тоже проснулся.

— Папа?

— Нет, родной, — сказала я, хотя сама ещё не знала.

Мама посмотрела в глазок.

— Один мужчина. С конвертом.

— Не открывай.

— Вера Андреевна Грановская? — позвали из-за двери. — Передача документов от школы «Альтаир».

Школа.

Я встала так быстро, что закружилась голова.

Матвей сел на диване.

— Что от школы?

— Сейчас узнаем.

Мама открыла дверь на цепочку. На площадке стоял мужчина в куртке без логотипа, не похожий на обычного курьера. Слишком прямой. Слишком собранный. В руке — белый конверт.

— Вера Андреевна? — спросил он.

— Я, — сказала я, подходя к двери.

Он протянул конверт.

— Просили передать лично.

— Кто просил?

— Администрация.

— Фамилия?

Он замялся.

Этого хватило.

— Оставьте у двери, — сказала мама.

— Нужна подпись.

— Тогда говорите фамилию отправителя.

Мужчина посмотрел на меня поверх цепочки.

— Роман Сергеевич сказал, вы поймёте.

Я почувствовала, как Матвей за моей спиной перестал дышать.

— Мама, — прошептал он.

Я не повернулась. Не могла показать ему лицо.

— Передайте Роману Сергеевичу, — сказала я, — что документы принимаются только через моего представителя. Больше не приходите к квартире моей матери.

— Мне сказали вручить.

— А я сказала — нет.

Он задержался на секунду, потом положил конверт на коврик и отошёл к лестнице.

Мама закрыла дверь, сняла цепочку, но конверт не подняла.

— Снимай, — сказала она.

Я включила запись на своём телефоне, открыла дверь и сняла конверт на полу. Только потом подняла его.

Матвей стоял в коридоре, босой, в пижаме с ракетами.

— Это папа сделал?

Я хотела сказать: «Не знаю».

Но сын уже знал.

— Да, — сказала я. — Похоже.

— Он злится, что я не дома?

— Он хочет, чтобы всё было по его правилам.

Матвей обнял кота сильнее.

— А если я не хочу по его?

Я присела перед ним.

— Тогда мы будем говорить об этом спокойно. И взрослые будут обязаны тебя услышать.

— А если не услышат?

Я посмотрела на конверт.

— Тогда мы скажем громче. Не криком. Правдой.

Мама поставила чайник, хотя было только семь утра. Конверт мы открыли на кухне, при включённой камере.

Внутри лежала копия заявления в школу. Роман уведомлял администрацию, что в связи с «семейной ситуацией» забирать Матвея может только он или назначенный им водитель. Мать, то есть я, временно не должна изменять привычный маршрут ребёнка без согласования с отцом. В конце — просьба «во избежание стресса для несовершеннолетнего» не передавать ребёнка иным лицам.

Я читала и чувствовала, как каждая строка аккуратно, вежливо, почти заботливо строит вокруг меня клетку.

Мама ругнулась тихо.

Матвей поднял глаза.

— Бабушка сказала плохое слово?

— Очень заслуженное, — ответила она.

— Нина Павловна, — сказала я автоматически.

— Что? Он заслужил больше, но у нас ребёнок.

Я сфотографировала страницы и отправила Марии Львовне.

Ответ пришёл через минуту:

«Не ведите Матвея в школу сегодня. В 8:30 созвон. Потом решим официальный порядок уведомления. Конверт сохранить».

Дамиру отправлять не стала.

Не потому, что не хотела.

Потому что всё ещё не понимала, где заканчивается моя защита и начинается его чужая война.

В восемь двадцать семь я сидела за кухонным столом, уже умытая, в маминой серой кофте, с мокрыми волосами, собранными в низкий хвост. Мама занимала Матвея в комнате: они строили из подушек «временный штаб динозавров», где, по словам сына, «никто никого не запирает, кроме тираннозавра, потому что он хам».

Я включила видеосвязь.

Мария Львовна появилась на экране без лишних улыбок. Женщина лет сорока пяти, короткие тёмные волосы, прямой взгляд, белая рубашка, за спиной книжный шкаф и окно с серым небом.

— Доброе утро, Вера Андреевна. Сразу к делу. Вы не подписали ничего?

— Нет.

— Ребёнок с вами?

— Да.

— Попытки забрать были?

— Вчера Роман приезжал к дому. Сегодня прислал человека с конвертом от школы.

— Видела. Вы правильно не открыли сразу. Теперь по порядку. Сегодня я подготовлю уведомление школе, что ребёнка нельзя передавать третьим лицам без согласия обоих родителей и что спор между родителями не должен решаться через охрану и водителей. Но важнее другое: нам нужно показать, что Роман действует не ради спокойствия сына, а ради давления на вас.

— Как?

— Его собственными действиями. Соглашение, блокировка карт, сейф, домофон, школьное уведомление, сообщение про охрану. Всё складывается в картину. Он торопится.

Я вспомнила слова Дамира.

— Он торопится, значит, оставляет следы, — сказала я.

Мария Львовна прищурилась.

— Это Орлов сказал?

— Да.

— В данном случае он прав.

— Вы его знаете?

— Знаю.

— И доверяете?

— Нет.

Я выдохнула почти с облегчением.

— Но его можно использовать? — спросила я.

— С ним можно работать, если держать границы. Дамир Орлов не благотворитель. Он давно ищет способ открыть старый конфликт с Романом. Вы для него не только женщина в беде, Вера Андреевна. Вы ключ к двери, которую он сам открыть не может.

— Прекрасно.

— Зато он честнее многих. Это не делает его безопасным, но делает предсказуемым.

Я посмотрела на папку с соглашением.

— Он предложил встретиться.

— Где?

— Пока нигде. Я сказала — только при вас.

— Хорошо. Сегодня в одиннадцать у меня в офисе. Орлов будет там. Вы приходите одна.

— Матвей?

— С матерью. И не сообщайте Роману, куда идёте.

— Он может приехать.

— Может. Поэтому ваша мать не открывает. Если будет давление — фиксирует. Вы не возвращаетесь домой за вещами, не приезжаете в офис Романа, не берёте трубку, если чувствуете, что он выводит вас на эмоции. Короткие ответы письменно.

Я кивнула.

— Вера Андреевна.

— Да?

— Вы сейчас хотите вернуть всё сразу: сына, деньги, документы, правду, достоинство. Это нормально. Но по шагам. Первый шаг — не дать ему забрать ребёнка сегодня. Второй — восстановить доступ к вашим правам. Третий — бизнес. Четвёртый — Орлов и старая схема.

— А если Роман быстрее?

— Тогда мы будем быстрее там, где можем. И точнее там, где он рассчитывает на вашу боль.

После звонка я долго сидела, глядя в погасший экран.

Мама вышла из комнаты.

— Ну?

— В одиннадцать встреча с Марией Львовной и Орловым.

— Одна поедешь?

— Да.

— Деньги?

Я посмотрела на неё.

Она уже держала в руке свою банковскую карту.

— Мам, нет.

— Вера, не начинай со мной гордость. Я твою гордость с детства знаю. Она красивая, но проезд не оплачивает.

— Я верну.

— Вернёшь, когда отберёшь у своего красавца то, что он записал на себя. А сейчас бери.

Я взяла карту. И это почему-то оказалось сложнее, чем выйти из дома Романа под дождём.

— Спасибо.

— Не благодари. Меня бесит, что я когда-то продала квартиру у моря, чтобы вы с ним начали бизнес, а теперь моя дочь стоит передо мной с лицом девочки, которая просит на маршрутку.

— Мам…

— Ничего. Злость — полезная штука, если не размахивать ею перед ребёнком.

Из комнаты выглянул Матвей.

— Бабушка, ты сказала «злость»?

— Сказала.

— Она полезная?

Мама посмотрела на меня, потом на него.

— Иногда. Если не кидаться ею в людей, а поставить возле двери, чтобы плохие мысли не входили.

Матвей подумал.

— Моя злость маленькая. Она может возле шкафа стоять?

— Может.

— Хорошо. Тогда пусть стоит и охраняет кота.

Он ушёл обратно.

Я закрыла лицо руками.

— Он всё слышит.

— Конечно. Поэтому давай говорить так, чтобы ему потом не пришлось лечить наши слова взрослением.

Я подняла голову.

— Мам, пожалуйста, не используй…

Она осеклась, поняла, к чему я, и махнула рукой.

— Поняла. Не буду. Скажу проще: давай не портить ребёнку жизнь взрослыми глупостями.

— Вот так лучше.

В офис Марии Львовны я приехала без пятнадцати одиннадцать.

Небольшой деловой центр стоял на тихой улице, без стеклянного пафоса и мраморных холлов. На первом этаже пахло мокрыми пальто и свежей выпечкой из кафе за углом. Я поймала себя на том, что всматриваюсь в отражения: нет ли машины Романа, его водителя, кого-то из охраны. Раньше я никогда так не смотрела на улицу. Раньше за меня смотрели другие, и это называлось комфортом.

Теперь я смотрела сама.

И это называлось взрослением.

Мария Львовна встретила меня у двери кабинета.

— Вера Андреевна. Проходите.

— Орлов уже здесь?

— Нет. Я попросила его прийти позже.

— Почему?

— Чтобы сначала услышать вас без его присутствия.

Мне стало легче.

Кабинет был простой: стол, три кресла, шкаф с папками, чайник на тумбе, две фотографии в рамках — на одной море, на другой старый деревянный мост. Ничего лишнего. Ника-

ких глянцевых журналов с улыбающимися партнёрами, никаких наград под светом, никаких дорогих предметов, которые должны напоминать клиенту, кто здесь сильнее.

Я села.

Мария Львовна открыла папку.

— Все документы я посмотрела. Соглашение грубое, но не глупое. Оно рассчитано на то, что вы испугаетесь и подпишете ради доступа к сыну и деньгам.

— Он правда может удержать Матвея, если тот окажется дома?

— Физически? Может попытаться через охрану и распоряжения. Надолго и законно — вопрос другой. Но наша задача — не проверять это на ребёнке.

— Я не собираюсь возвращаться туда с ним.

— Правильно. Теперь про бизнес. У вас есть хоть какие-то документы по первоначальному участию?

— Дома могли остаться старые папки. В компьютере, возможно, копии. Но доступ к домашнему кабинету у Романа. Часть почты старая, я могу поискать.

— Ищите. Всё: письма, счета, фотографии офиса, переписку с поставщиками, документы на вложения вашей матери, любые протоколы. Даже то, что кажется ерундой.

— Мама продала квартиру у моря.

— Подтверждение продажи есть?

— Наверное. У неё.

— Это важно. Не как единственный аргумент, но как начало цепочки.

Я кивнула.

Дверь в приёмной открылась.

Я услышала мужской голос:

— Мария Львовна, если вы сейчас скажете, что я рано, я уйду в коридор и буду там выглядеть подозрительно.

— Вы и здесь выглядите подозрительно, Орлов, — ответила она.

Я обернулась.

Дамир вошёл без спешки.

Я узнала бы его даже без имени.

Не потому, что помнила со старого офиса, нет. Тогда он действительно не отпечатался в моей памяти лицом. Просто теперь голос соединился с человеком: высокий, широкоплечий, в тёмном пальто, с короткими тёмными волосами и внимательными глазами, в которых не было ни жалости, ни светской мягкости. Он не улыбался для расположения. Не протягивал руки слишком быстро. Не изображал спасателя.

Он посмотрел на меня так, будто проверял не красоту, не слабость, не слёзы, а прочность.

— Вера Андреевна.

— Дамир.

Мария Львовна подняла бровь.

— Без фамилий?

— После вчерашнего домофона фамилий в моей жизни стало слишком много, — сказала я.

Дамир чуть заметно усмехнулся.

— Понимаю.

— Садитесь, — сказала Мария Львовна. — И сразу договоримся: Вера Андреевна не ваш инструмент против Романа. Если я увижу обратное, вы выйдете.

— Справедливо.

— И вы не даёте ей советов, которые выглядят красиво в бою, но потом осложняют позицию.

— Постараюсь.

— Не постарайтесь. Сделайте.

— Хорошо.

Я смотрела на них и впервые за сутки почувствовала, что в комнате есть взрослые люди, которые не пытаются назвать мой страх истерикой.

Дамир снял пальто, сел напротив и положил на стол тонкую папку.

— Начну с простого. Роман выдавил меня из первого общего проекта девять лет назад. Формально — по соглашению сторон. Фактически — через подставные долги, переписанную отчётность и давление на инвестора. Я тогда проиграл, потому что у меня не было ключевой части документов.

— И теперь она есть у меня? — спросила я.

— Возможно.

— Почему вы так решили?

Он открыл папку и развернул ко мне старую фотографию.

Я на ней стояла у доски в том самом офисе на Складочной. Живот заметен под серым платьем, волосы собраны небрежно, в руке маркер. Рядом Роман, моложе, напряжённый, с тем выражением лица, которое я теперь знала слишком хорошо: он не слушает, он ждёт момент перехватить. В углу снимка — Дамир. Темнее, моложе, почти в тени. Смотрит не на Романа.

На меня.

— Откуда это? — спросила я.

— Снимал мой помощник. Тогда мы фиксировали рабочие встречи для отчёта инвестору. Большая часть архива исчезла после моего выхода. Это осталось у меня случайно.

Я взяла фотографию.

Мои пальцы дрогнули.

Не от романтики прошлого. От доказательства, что я действительно была там. Не в воспоминаниях. Не в своих обидах. На бумаге. У доски. В центре обсуждения.

— Роман говорил, что инвестор поверил ему, — тихо сказала я.

— Роман много что говорил. Это его талант.

— А что было на самом деле?

Дамир посмотрел на Марию Львовну, та кивнула: можно.

— Проект был на грани. Инвестор не хотел входить, потому что модель поставок выглядела сырой. Роман давил. Я спорил. Все орали, кроме вас. Вы встали, взяли маркер и за десять минут объяснили схему так, что человек понял, где риск, где запас, где рост. Потом Роман вышел в коридор и сказал мне: «Видел? Вот поэтому Вера полезна. Люди верят её глазам».

Я сжала фотографию сильнее.

Полезна.

Вот и вся любовь в одном слове.

— Зачем вы мне это рассказываете?

— Потому что в том проекте были три вещи: ваши расчёты, мои деньги и связи Романа. Через год в документах остались только связи Романа. Мои деньги превратились в долг, ваши расчёты — в “внутреннюю помощь супруги”, а компания стала его личным стартом.

Мария Львовна сделала пометку.

— Что вам нужно от Веры Андреевны конкретно?

— Доступ к старой переписке, если она сохранилась. И к людям, которые тогда работали с ней, а не с Романом. Бухгалтер Тамара Ильинична, например.

Я подняла глаза.

— Вы её помните?

— Да.

— Она приносила мне чай.

— И копировала документы быстрее всех в офисе.

— Я не знаю, где она сейчас.

— Я знаю. Но она не станет говорить со мной. Со мной у неё свои счёты. С вами — может.

— А взамен?

Он не стал делать вид, что вопрос неприятен.

— Я дам вам свои документы по старому проекту, контакты людей, которые подтвердят вашу роль, и доступ к финансовому анализу схемы, через которую Роман выводил доли из-под партнёров. Если вы решите бороться за бизнес, это усилит вашу позицию. Если решите только за сына — всё равно покажет мотив Романа давить на вас.

— Вы хотите использовать мой развод, чтобы ударить по нему.

— Да.

Мария Львовна откинулась на спинку кресла.

— Орлов.

— Я не обещал мягко.

— Мягко и не нужно. Нужно не ломать клиента.

Дамир посмотрел на меня.

— Я не собираюсь вас ломать. Роман этим уже занят. Я предлагаю сделку.

Я усмехнулась.

— Сегодня все мужчины предлагают мне сделки.

— Моя отличается.

— Чем?

— Я не прошу у вас сына, молчание или подпись под отказом от себя.

Эта фраза попала точно, хотя произнёс он её без нажима.

Я посмотрела на него внимательнее.

— А что просите?

— Правду о том, что было девять лет назад. Вашу память. Ваши старые письма. И готовность не отступить, когда Роман начнёт говорить, что вы стали оружием в моих руках.

— А я не стану?

— Это зависит от вас.

— Удобный ответ.

— Честный.

Мария Львовна вмешалась:

— Давайте закрепим границы. Любые документы — через меня. Любые встречи — при моём участии или с уведомлением. Никаких ночных визитов, личных договорённостей и героических выездов к старым архивам без подготовки.

Я посмотрела на неё.

— Ночных визитов?

— Я видела, как люди ведут себя в таких историях. Все внезапно начинают думать, что если поехать прямо сейчас, то правда сама прыгнет в сумку.

Дамир едва заметно улыбнулся.

— Иногда прыгает.

— Орлов.

— Молчу.

Я вдруг поняла, что в этой комнате мне не страшно. Не потому, что здесь безопасно. Здесь как раз было опасно: документы, прошлое, враг мужа, юрист, который не смягчает реальность. Но никто не требовал от меня быть удобной. Никто не говорил: «Ты не справишься». Никто не протягивал ручку для подписи под моим исчезновением.

— Хорошо, — сказала я. — Я готова искать старые письма. Готова говорить с Тамарой Ильиничной, если вы дадите контакт. Готова передать Марии Львовне всё, что найду. Но есть условие.

Дамир посмотрел на меня прямо.

— Слушаю.

— Матвей — не часть вашей войны. Ни одного публичного намёка на него. Ни одной попытки использовать историю с сыном для давления на Романа в бизнесе без согласования с Марией Львовной. Если вы хотя бы раз попробуете сделать из моего ребёнка аргумент в вашей мести, мы закончим.

Он не ответил сразу.

И это мне понравилось больше, чем быстрые обещания.

— Принимаю, — сказал он наконец.

— И второе.

— Уже интереснее.

— Не командуйте мной.

Уголок его губ дрогнул.

— Это будет сложнее.

— Тогда тренируйтесь.

Мария Львовна закрыла папку.

— Прекрасно. Стороны обменялись угрозами, можно работать.

Я впервые за день почти рассмеялась.

Почти.

Телефон на столе завибрировал.

Роман.

Я не ответила.

Сообщение появилось на экране:

«Ты где?»

Следом второе:

«Если ты у Орлова, ты сама делаешь его частью нашей семьи».

Я молча показала экран Марии Львовне.

Она прочитала.

— Не отвечать.

Дамир тоже посмотрел.

Его лицо стало жёстче, но голос остался ровным:

— Он уже понял.

— Что?

— Что вы не просто убежали к матери. Вы начали собирать людей.

Телефон снова завибрировал.

Теперь сообщение было длиннее.

«Вера, подумай о Матвее. Вечером я приеду. Если ты не откроешь, завтра школа получит официальный запрет. И не советую тебе встречаться с тем, кто однажды уже пытался разрушить мой бизнес».

Я медленно выдохнула.

— Он приедет вечером.

— Не открывать, — сказала Мария Львовна.

— Он будет давить на домофон, на соседей, на Матвея.

— Тогда тем более.

Дамир поднялся.

— Я поставлю человека у подъезда.

Я резко посмотрела на него.

— Нет.

— Не охрану. Наблюдение с улицы. Если Роман начнёт устраивать сцену, будет запись.

— Я сказала нет.

Он замолчал.

Мария Львовна посмотрела на меня внимательно.

— Почему?

— Потому что сегодня у подъезда моей матери не будет людей Романа и людей Орлова. Там живёт мой сын, а не объект спора двух мужчин.

Дамир медленно кивнул.

— Хорошо.

— Вы согласились слишком быстро.

— Потому что вы правы.

Эти слова прозвучали просто.

Без раздражения.

Без снисхождения.

Я не знала, что с ними делать.

— Но, — добавил он, — я всё равно дам вам номер человека, который живёт в соседнем районе и сможет приехать, если начнётся давление. Вы сами решите, звонить или нет.

Вот так было лучше.

Не приказ.

Возможность.

Я кивнула.

— Хорошо.

Мария Львовна уже печатала что-то на ноутбуке.

— Вера Андреевна, сейчас вы возвращаетесь домой к матери. По дороге не отвечаете Роману. До вечера я направлю ему уведомление о моём участии. Также подготовлю запрос по документам ребёнка и доступу к вашим личным средствам. Орлов пришлёт мне список старых сотрудников и материалов. Вы ищете старую почту и любые подтверждения вашей роли.

— А с Тамарой Ильиничной?

Дамир достал визитку, перевернул и написал номер.

— Это её телефон. Но звонить лучше не сразу. Напишите коротко: «Тамара Ильинична, это Вера. Мне нужно поговорить о старом офисе на Складочной. Это важно». Если она ответит, встречу назначим через Марию Львовну.

Я взяла карточку.

Наши пальцы не коснулись.

Странно, что я это заметила.

— Спасибо.

— Это не подарок. Часть сделки.

— Даже лучше.

Он посмотрел на меня с тихим интересом.

— Почему?

— Потому что подарки от мужчин в моей жизни слишком часто оказывались с условиями мелким шрифтом.

— Значит, будем писать крупным.

Мария Львовна фыркнула.

— Орлов, не очаровывайте клиента. Работайте.

— Я стараюсь не делать ни того ни другого чрезмерно.

— Получается средне.

И всё же, когда я выходила из кабинета, внутри меня было иначе.

Не легче.

Слишком рано для лёгкости.

Но впервые за сутки я не чувствовала себя женщиной, которая стоит под дождём с детским рюкзаком и чужими решениями за спиной. У меня были имя юриста, папка Дамира, номер Тамары Ильиничны, фотографии документов, сообщения Романа и понимание: он ошибся в главном.

Мне было куда идти.

По дороге к выходу Дамир догнал меня у лифта.

— Вера Андреевна.

Я остановилась.

— Да?

— Я не сказал при Марии Львовне, чтобы не превращать встречу в спектакль. Но скажу сейчас. Роман опасен не потому, что сильный. А потому, что привык считать чужую верность своим ресурсом. Он будет пытаться вернуть вас не к себе, а в прежнюю роль.

— Я знаю.

— Нет. Пока вы только видите.

— А вы, конечно, знаете лучше?

Он выдержал мой взгляд.

— В этом — да. Я тоже когда-то думал, что мы партнёры.

Двери лифта открылись, но мы не вошли сразу.

— Что он с вами сделал? — спросила я.

— Подписал со мной соглашение, которое я не должен был подписывать. Убедил, что иначе проект рухнет. Потом проект не рухнул. Рухнул я.

В его голосе не было жалобы.

Только факт.

И от этого стало тяжелее.

— Почему вы тогда не боролись?

— Боролся. Неправильно. Один, злой и уверенный, что правда сама по себе чего-то стоит.

— А сейчас?

— Сейчас я знаю, что правда стоит дорого. И её нужно правильно упаковывать.

— Это звучит цинично.

— Это звучит как опыт.

Я посмотрела на него.

Вблизи он казался старше, чем по первому впечатлению. Не возрастом. Взглядом человека, который уже видел, как проигрывают не слабые, а самоуверенные.

— Дамир.

— Да?

— Я не собираюсь становиться вашей второй попыткой победить Романа.

— И не надо.

— Но вы всё равно хотите, чтобы я помогла.

— Да.

— Почему я?

Он посмотрел на закрытые двери лифта, потом снова на меня.

— Потому что Роман боится не меня. Меня он знает. Он знает, как я бью, где ошибаюсь, что хочу доказать. А вас он не знает. Не настоящую. Он слишком долго смотрел на роль и пропустил человека.

Лифт звякнул, двери начали закрываться.

Дамир нажал кнопку, удерживая их.

— Вот этого человека мне и нужно не потерять в нашей сделке, — сказал он.

Я молчала.

Потому что ответить было нечем.

Потому что часть меня хотела не верить ни одному его слову.

А другая, самая уставшая и самая честная, вдруг поняла: за последние сутки это первый мужчина, который сказал, что Роман может меня не знать.

Не что я слабая.

Не что я не справлюсь.

Не что мне нужно успокоиться.

А что он ошибся.

— Я поеду к сыну, — сказала я.

— Правильно.

— И сама решу, когда звонить Тамаре Ильиничне.

— Правильно.

— И сама решу, принимать вашу помощь или нет.

— Уже лучше.

— Вы раздражаете.

— Это часто бывает на старте хорошего сотрудничества.

— Не обольщайтесь.

— Не собирался.

Мы всё-таки вошли в лифт.

На первом этаже наши пути разошлись. Дамир направился к парковке, я — к выходу на улицу. Уже у дверей телефон завибрировал снова.

Не Роман.

Незнакомый номер.

Я остановилась и открыла сообщение.

«Вера Андреевна, это Тамара Ильинична. Мне передали, что вы, возможно, будете искать старые документы. Если это правда, не звоните с обычного номера. У меня сохранилась коробка со Складочной. И там есть то, что Роман Сергеевич когда-то очень просил уничтожить».

Я перечитала сообщение три раза.

Потом подняла глаза.

За стеклянной дверью Дамир уже садился в машину. Я не знала, видел ли он моё лицо, но он вдруг замер, не закрывая дверцу.

Телефон снова дрогнул.

Второе сообщение от Тамары Ильиничны:

«И ещё. Не верьте тем бумагам, где написано, что вашей доли никогда не было. Я сама печатала первый договор».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.